СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

МЛАДШІЙ ВОЗРАСТЪ.

НОЯБРЬ 1869 ГОДА.

То зеркало лишь хорошо, которое вѣрно отражаетъ.

УВАЛЕНЬ.

Игра дѣтей съ Увальнемъ.

На дворѣ одной изъ дачъ, въ окрестностяхъ Петербурга, трое дѣтей, мальчикъ лѣтъ восьми, другой пяти лѣтъ и дѣвочка постарше ихъ обоихъ, играли съ большой дворовой собакой. Это былъ очень неуклюжій песъ: его черная, косматая шерсть торчала на немъ жесткими клочками, лапы его были похожи на медвѣжьи. Онъ весь былъ покрытъ пылью, потому что погода стояла теплая и нѣсколько дней уже не было дождя. Отъ пыли, онъ казался почти сѣдымъ, что вмѣстѣ съ его угрюмымъ видомъ и насупленными бровями придавало наружности его что-то весьма почтенное. Но Увалень въ сущности вовсе не былъ такимъ сердитымъ псомъ, какимъ можно было заключить по его виду. Онъ былъ золъ только съ людьми, которыхъ подозрѣвалъ въ покушеніи на хозяйскую собственность, которую онъ, Увалень, охранялъ усердно, какъ слѣдуетъ всякому умному и

дѣльному псу и былъ золъ съ собаками, когда онѣ несправедливо пытались отнять у него кость, заработанную честнымъ трудомъ.

Съ дѣтьми же Увалень выказывалъ такое доброе сердце и такое терпѣнье, какого не всегда хватаетъ и у людей съ этими маленькими эгоистами, думающими исключительно о своихъ удовольствіяхъ.

— Ну, Увалень, говорилъ старшій мальчикъ Саша, — стой смирно! Я запрягу тебя въ телѣжку, ты будешь моей лошадью.

— Ха, ха, ха! Увалень будетъ представлять лошадь! Вотъ-то весело! вскричалъ меньшой мальчикъ Коля, запрыгавъ отъ радости.

Саша подкатилъ двухколесную телѣжку, сбѣгалъ въ комнаты за веревками и началъ запрягать Увальня. Два большіе прута замѣнили оглобли.

— Надо дугу! вскричала Людмила, сестра маленькихъ шалуновъ.

— Да, съ дугой лучше! подхватилъ Саша.

— И колокольчикъ! прибавилъ Коля.

Саша пошелъ въ садъ къ забору и отломилъ большую вѣтку акаціи для дуги. Но приладить ее на голову Увальня оказалось довольно трудно. Не привыкшій къ упряжи, Увалень безпрестанно моталъ головой и потряхивалъ ушами.

— Стой, Увалень, стой, смирно! — командовалъ Саша, — возясь съ дугой.

Но когда Увалень, которому съ непривычки было очень неловко,—начиналъ опять мотать головой, Саша съ досады щелкалъ его по спинѣ прутикомъ. Бѣдному Увальню вѣроятно было больно, такъ какъ онъ вздрагивалъ при каждомъ ударѣ, но онъ не скалилъ зубы и не огрызался, какъ сдѣлали бы на его мѣстѣ многія собаки. Онъ былъ уменъ и снисходительно думалъ про себя:

— Ну, что жь пугать ихъ! Вѣдь они дѣти—глупы.

Наконецъ Сашѣ удалось приладить дугу. Тогда онъ сѣлъ въ телѣжку и началъ чмокать и понукать Увальня возжами, чтобы тотъ везъ его.

Собака не трогалась съ мѣста, потому что везти осьмилѣтняго мальчика, да еще съ телѣжкой, было не по ея силамъ и къ тому же Увалень, несмотря на весь свой умъ, все таки былъ звѣрь и никакъ не могъ войти вполнѣ въ роль лошади.

— А, лѣнтяй! вскричалъ Саша, съ досадой. Булки да пироги умѣешь ѣсть, а везти меня тебѣ лѣнь: погоди же, я проучу тебя.

Онъ опять сбѣгалъ въ комнаты и принесъ толстую веревку, которую привязалъ однимъ концемъ къ палкѣ, а на другомъ завязалъ узелъ.

— Вотъ я посмотрю,—приговаривалъ онъ во время своей работы,—будешь ли ты теперь лѣниться—видишь какой славный кнутъ?

И Саша, хлопнулъ кнутомъ по дорожкѣ надъ самымъ ухомъ Увальня.

Увалень покосился на кнутъ.

— Саша, не смѣй бить собаку! вскричала сестра его Людмила, вѣдь ей больно,—я мамѣ скажу.

— Гмъ! отозвался Саша, — какъ же не бить ее? Сабака глупа—ее учить надо!

Саша не разсуждалъ о томъ, что кнутъ плохой учитель и что еслибы его самаго стали учить съ помощью кнута,—напримѣръ хоть играть гаммы на фортепіяно,—которыя онъ и безъ того уже не долюбливалъ — то вѣроятно онъ бы возненавидѣлъ ихъ окончательно, вмѣсто того, чтобы выучиться имъ; къ тому же не приходило ему въ голову и то, что учить Увальня ходить въ упряжѣ, какъ лошадь, не было никакой надобности.

Не обращая вниманія на слова сестры, онъ продолжалъ бить Увальня кнутомъ по спинѣ.

Саша вовсе не былъ злой мальчикъ, но его злые поступки происходили единственно отъ недостатка размышленія. Ему хотѣлось, чтобы Увалень разыгрывалъ лошадь для того, чтобы самому разыгрывать роль кучера,—что въ особенности любятъ мальчики. Но

это ему не удавалось— и вотъ онъ сердился и выходилъ изъ себя, воображая, что Увалень единственно изъ лѣни не хочетъ везти его и никакъ не размышляя о томъ, что Увальню было также трудно превратиться въ лошадь, какъ ему, Сашѣ, было бы трудно превратиться въ зайца и бѣгать на четверинкахъ, или въ воробья и скакать по дорожкамъ и по вѣткамъ. Правда, что въ Германіи собакъ запрягаютъ въ телѣжки и возятъ на этихъ телѣжкахъ разную поклажу, а въ Сибири онѣ даже совершенно замѣняютъ лошадей и возятъ людей, но это совершенно другое дѣло. За границей собакъ дрессируютъ для этого съ самаго ихъ дѣтства, а сибирская порода собакъ совершенно особенная и превосходитъ силой обыкновенныхъ. Учить же Увальня, прожившаго на свѣтѣ уже цѣлые десять лѣтъ,—было слишкомъ поздно,—такъ какъ для собаки послѣ десяти лѣтъ жизни начинается уже періодъ старости.

Несмотря на заступничество сестры за Увальня, Саша не переставалъ бить его, какъ вдругъ отворилась калитка сада и во дворъ вошла дама,

— Саша! вскричала она, что ты дѣлаешь? Какъ тебѣ не стыдно?

Мальчикъ сконфузился, пересталъ бить Увальня и началъ оправдываться, опустивъ впрочемъ голову, такъ какъ совѣсть не позволяла ему смотрѣть прямо въ лицо матери.

— Я, мама, такъ... бормоталъ онъ, — я игралъ... онъ не хочетъ меня слушаться, такъ я училъ его...

— Это не оправданіе, сказала дама, подойдя къ нему. Ты очень хорошо понимаешь, что собакѣ больно. Отчего ты не попробуешь самъ себя ударить кнутомъ, когда худо учишься?

Саша молчалъ.

— Попробуй, продолжала дама и, поднявъ упавшій кнутъ, подала его мальчику. Ты поступалъ очень гадко, зло... Накажи же себя теперь, возьми кнутъ.

Но Саша не бралъ изъ ея рукъ кнута.

— Возьми же,—повторила дама настойчиво, и дѣлать нечего, Саша, хотя очень не охотно, протянулъ руку къ кнуту.

— Теперь, ударь имъ себя по рукѣ, — продолжала дама.

Мальчикъ хлопнулъ себя кнутомъ по ладони, но такъ осторожно, какъ и вполовину не хлопалъ бѣднягу Увальня.

— Вотъ видишь,—продолжала дама. У тебя не достаетъ духу ударить самаго себя — со всего розмаха, какъ ты билъ бѣдную собаку. Ты самъ боишься, чтобы тебѣ не было больно, — отчего жъ тебѣ не было жаль Увальня? Вѣдь и онъ также чувствуетъ боль, какъ ты. Ай, Саша, какой ты дурной мальчикъ! Я не буду любить тебя!

— Мама, прости меня! сказалъ Саша,— я не буду больше, право никогда не буду.

— Нѣтъ, за это нельзя простить, Саша,— отвѣчала дама. Слѣзь сейчасъ съ телѣжки и оставь собаку. Я запрещаю тебѣ съ сегодняшняго дня играть съ ней, по крайней мѣрѣ цѣлый мѣсяцъ. Не смѣй и подходить къ ней. Пока ты не будешь обращаться съ ней, какъ должно, тебѣ нельзя играть съ ней. За что будетъ терпѣть бѣдная собака? Развѣ за то только, что исполняетъ свое дѣло и стережетъ домъ?

Саша по приказанію матери выпрягъ Увальня и побрелъ въ комнаты, — печально опустивъ голову, а Увалень, очень довольный тѣмъ, что освободился, весело замахалъ хвостомъ, поласкался къ хозяйкѣ и потомъ отправился со двора за ворота, посидѣть на мостикѣ и посмотрѣть на то, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

Увалень былъ старожилъ въ этихъ краяхъ. Много уже лѣтъ жилъ онъ у дворника, смотрѣвшаго за дачей. Лѣтомъ онъ находилъ себѣ по ночамъ пріютъ въ собачьей канурѣ на дворѣ,—а зимой въ дворницкой. Всѣ собаки въ окрестностяхъ любили Увальня за его прекрасныя качества и за житейскую опытность и когда онъ появлялся у воротъ

*

на мостикѣ, около него часто собирался кружокъ пріятелей. Вотъ и теперь, только что онъ вышелъ и сѣлъ на мостикъ, втягивая въ себя широкими ноздрями свѣжій вечерній воздухъ, и поворачивалъ голову то направо, то налѣво,—какъ отъ воротъ дачи, стоявшій напротивъ, перебѣжалъ черезъ дорогу дворняшка Шорстикъ. Этотъ Шорстикъ была преуморительная собака. Онъ былъ всегда такой грязный, что невозможно было опредѣлить цвѣта его шерсти, а шерсть на немъ такъ стояла кверху, что и голова его и туловище, и хвостъ—все было кругло, какъ шаръ, и мохнато, какъ взбитая въ комъ шерсть. Изъ подъ черныхъ щетинъ, точно какъ изъ подъ нахлабученнаго на носъ траурнаго чепчика, выглядывали два бойкіе, черные глаза. Шорстикъ не отличался степенностью, какъ Увалень, напротивъ, онъ былъ презадорный. Величайшимъ для него наслажденіемъ было лаять и онъ часто, сидя за воротами, надрывался по цѣлымъ часамъ изо всей силы. Увалень не разъ прямо въ глаза осуждалъ его за сварливость характера и даже предсказывалъ, что когда нибудь онъ крѣпко поплатится за нее своими боками, но Шорстикъ или не вѣрилъ ему, или не хотѣлъ поработать надъ своей собачьей натурой и разлаявшись по пустому становился чертъ-чертомъ, такой косматый и хохлатый.

— Здравствуй, Увалень, привѣтствовалъ онъ пріятеля, подсаживаясь къ нему, —каково поживаешь?

— Ничего, живемъ себѣ по маленьку, отвѣчалъ Увалень, помахивая хвостомъ въ знакъ радушнаго пріема. Ну а ты, какъ?

— Какъ и всегда! отвѣчалъ Шорстикъ, нахмурясь. Извѣстно наше собачье житье. Не даромъ оно даже и у людей вошло въ пословицу. Ну ужь братъ,—продолжалъ онъ, поднявъ голову и съ упрекомъ взглянувъ на Увальня, — посмотрѣлъ я на тебя сегодняшнее утро, въ калитку. Даже вчужѣ злость беретъ.

— А что?

— Какъ что? Зачѣмъ это ты позволяешь ребятамъ такъ мучить себя? Вѣдь какъ тебя хлесталъ кнутомъ этотъ скверный мальчишка! Ухъ! какъ бы я на твоемъ мѣстѣ лихо тяпнулъ его за это! Вотъ такъ бы кажется и прокусилъ ему насквозь руку, въ которой онъ кнутъ держалъ!

— Я никогда не связываюсь съ тѣми, кто слабѣе меня, отвѣчалъ Увалень съ достоинствомъ, взглянувъ на Шорстика своими умными, добрыми глазами. — У меня правило — всегда щадить дѣтей и маленькихъ собаченокъ, — потому что и тѣ и другіе глупы.

— Ну да, толкуй, что дѣти глупы! Никогда этому не повѣрю! И самый маленькій ребенокъ, если его ударить, пойметъ, что это больно, значитъ, долженъ понимать, что и тому больно, кого онъ самъ бьетъ.

— Да, но еслибы я кусилъ мальчика, который билъ меня кнутомъ,—то сдѣлалъ бы ему гораздо больнѣе моими зубами, чѣмъ онъ мнѣ своей веревкой...

— Ну, ужь ты вѣчно со своей добродѣтелью! Досадно даже слушать.

— По правдѣ тебѣ сказать, мнѣ и самому хотѣлось было попугать немножко мальчика — но я очень доволенъ, что не сдѣлалъ этого... потому что потомъ пришла мать его, велѣла ему оставить меня и наказала тѣмъ, что не велѣла ему даже подходить ко мнѣ цѣлый мѣсяцъ.

— Какой ты лѣнивый да неуклюжій! Настоящій Увалень! По шерсти тебѣ и кличка дана! Нѣтъ! прибавилъ Шорстикъ со вздохомъ, всегда, всегда я скажу, что самое горемычное наше собачье житье...

— Чтожъ дѣлать! возразилъ Увалень. Бываетъ худо, бываетъ и хорошо! Если есть глупыя дѣти, которыя обижаютъ и мучатъ насъ, собакъ, то съ другой стороны есть взрослые, которые кормятъ насъ... къ тому же и дѣти не всѣ вѣдь такія дурныя. Есть между ними также добрыя и умныя. Вотъ хоть бы эта милая дѣвочка, сестра маленька-

го шалуна. Она не только никогда сама не ударитъ меня, но всегда еще заступится за меня, если братья меня обижаютъ, часто дѣлится со мной булками или пирожкомъ, косточки мнѣ выноситъ и всегда, когда мимо меня проходитъ, доброе слово мнѣ скажетъ, иной разъ погладитъ, потреплетъ по головѣ. За то вѣдь какъ же я и люблю ее! Чуть только завижу, сейчасъ начну отъ радости хвостомъ вилять и никому ужь не дамъ ее въ обиду. Если бы кто вздумалъ ей сдѣлать какое нибудь зло,—такъ вотъ ужь кажется разорвалъ бы того въ клочки. Эхъ, другъ мой, Шорстикъ,—прибавилъ Увалень, помолчавъ немного,—не однѣ мы собаки, и люди часто терпятъ. Совершеннаго счастья,—они же сами говорятъ, нѣтъ нигдѣ. А впрочемъ и то сказать: между собаками, какъ и между людьми, разныя доли—это ужь какъ придется.

— Да! возразилъ Шорстикъ,—кому между собаками-то жить хорошо! Вотъ такимъ только лизоблюдкамъ, какъ эта мартышка Бьюти. И онъ, поднявъ морду, съ завистью скосился на окно, гдѣ на подушкѣ лежала маленькая, красивая собачка изъ породы кингъ-чарлзъ. Шерсть на ней была черная, длинная, волнистая. Лапки ея были покрыты темно-желтой шерстью, на головкѣ и на груди также между черной шерстью виднѣлась кой-гдѣ желтая.

У того же окна сидѣла старушка, въ чепчикѣ, изъ-подъ котораго видны были сѣдыя букли, окаймлявшія ея виски, и читала книгу.

— Вишь, продолжалъ Шорстикъ, развалилась на подушкѣ, какъ барыня! Вотъ, право, подумаешь житье-то! Цѣлый день ничего не дѣлаетъ, только глазѣетъ на улицу — а хозяйка ея только знай подставляетъ ей блюдечки съ кушаньемъ: то сливки съ сухарями, то бульонъ,— то сахарцу кусочекъ дастъ,—то косточку—въ день-то разъ двадцать погладитъ ее... Я все вижу, сидя у воротъ напротивъ. Кажется, въ этакой жизни и умирать не надо, — не то, что мы дворняги. День-то деньской стерегли хозяйское добро,—дождь ли, грязь ли—все на дворѣ. Кормятъ-то также не разносоломи — нальютъ щей пустыхъ въ чашку да хлѣба покрошатъ — вотъ тебѣ и все угощенье—а на ночь-то не угодно ли въ кануру на солому! Нѣтъ, право, счастливица эта курносая мартышка Бьюти.

— А почемъ ты знаешь,—сказалъ вдругъ Увалень,—можетъ быть, она совсѣмъ не такъ счастлива, какъ кажется.

— Чего ей еще! Развѣ только птичьяго молока недостаетъ,— отвѣчалъ Шорстикъ.

Но Увалень въ этомъ случаѣ былъ, какъ говорится, если не колдунъ, то угадчикъ.

Хорошенькая миссъ Бьюти въ самомъ дѣлѣ вовсе не была такъ счастлива, какъ воображалъ Шорстикъ. Правда, что житье ея было хорошее, спокойное, она не только ни въ чемъ не терпѣла недостатка, но была даже окружена роскошью, — но всего этого мало еще для счастья, даже и для собачьяго.

Миссъ Бьюти была очень живаго и сообщительнаго характера, любила общество и большой свѣтъ. Ей хотѣлось бы побѣгать по двору, прогуляться по сосѣднимъ дачамъ — посмотрѣть и послушать, гдѣ что дѣлается и говорится между собаками, и съ удовольствіемъ покалякала бы сама съ пріятельницами, но она, бѣдняжка, была лишена всего этого! Ей не доставало золотой свободы! По этому и дожидалась она съ такимъ нетерпѣніемъ, когда хозяйка выпускала ее. Она уже привыкла и знала приблизительно это время. Вотъ и теперь, посматривая въ окно, она думала: „о чемъ это Увалень и Шорстикъ такъ долго толкуютъ между собою!“ и обращала нетерпѣливые взгляды на хозяйку. Но старушка въ этотъ вечеръ, какъ нарочно, зачиталась и забыла о миссъ Бьюти. Бѣдная собачка ходила, ждала, но видя, что на нее не обращаютъ вниманія, встала наконецъ съ подушки и, повернувъ мордочку къ хозяйкѣ, принялась потихоньку визжать, помахивая хвостикомъ. Старушка взглянула на нее и положила книгу.

О, какъ была рада миссъ Бьюти! Она въ одну секунду спрыгнула съ окна на полъ и визжа отъ радости, махая хвостомъ и, заглядывая въ глаза хозяйкѣ, принялась кружиться, — подвигаясь все ближе и ближе къ двери.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ, погуляй, — проговорила старушка и выпустила ее изъ дверей, а сама, возвратясь къ окну, сѣла и принялась наблюдать за миссъ Бьюти.

Миссъ Бьюти, съ громкимъ радостнымъ лаемъ, выскочила, какъ угорѣлая, на средину двора. Полаявъ нѣсколько секундъ, она принялась со всѣхъ ногъ бѣгать по двору и наконецъ достаточно порасправивъ свои косточки, юркнула за ворота.

— Здравствуйте, Увалень! сказала она, усѣвшись подлѣ него и граціозно разостлавъ по землѣ свой пушистый хвостикъ.

Шорстикъ по своей скверной привычкѣ оскалилъ зубы и заворчалъ на миссъ Бьюти, — но Увалень остановилъ его.

— Шорстикъ! сказалъ онъ ему тономъ недопускающимъ возраженій, — не дразни меня... не обижай друзей моихъ, — которые приходятъ ко мнѣ въ гости. Шорстикъ отвернулъ морду въ сторону и принялся смотрѣть на прохожихъ, но такъ какъ его уже сильно разбирало желаніе побраниться съ кѣмъ нибудь — то онъ все-таки проворчалъ сквозь зубы:

— Лизоблюдка!

Миссъ Бьюти была слишкомъ хорошо воспитана, чтобы отвѣчать ему на эту грубость грубостью же.

Однако она все-таки хотѣла отвѣтить ему, но въ эту минуту со двора стоящей наискось дачи раздалось пронзительное мяуканье, перешедшее вскорѣ въ настоящій кошачій ревъ.

— Ахъ! вскричала Бьюти, это вѣрно опять сѣкутъ эту бѣдную миссъ Топси!

— Да, подтвердилъ Увалень, — это ее бѣднягу уму-разуму учатъ.

— Бѣдная! бѣдная! заворчалъ Шорстикъ, передразнивая собакъ. Что за нѣжности такія! За что ее жалѣть? Воровка она, мошенница! Ее и слѣдуетъ драть! Я ее терпѣть не могу. Противная, кошачья порода!

— Я, право, не знаю, кого ты любишь, Шорстикъ? возразилъ Увалень. Ты и воровъ и честныхъ собакъ все равно бранишь на каждомъ шагу! На тебя никто не угодитъ. Еслижь мы съ Бьюти жалѣемъ Топси, — такъ именно потому, что она воровка, то есть: самое безнравственное, а слѣдовательно и самое несчастное существо.

— Такъ и есть, она! вотъ какъ летитъ! сказала Бьюти.

Черезъ дорогу, въ самомъ дѣлѣ, летѣла стрѣлой, красивая, черная кошечка. Ея бѣлыя лапки едва касались земли. Хвостъ стоялъ кверху трубой.

— Злодѣйка! злодѣйка, кричала она съ отчаяніемъ на своемъ кошачьемъ языкѣ, — и добѣжавъ до собакъ, въ одно мгновеніе ока, ловко прыгнула на заборъ.

— Миссъ Топси, что съ вами? спросила сострадательно Бьюти. Разскажите, кто васъ обидѣлъ?

— Чухонка противная! кухарка! Высѣкла меня! отвѣчала Топси. Жадная этакая: велика бѣда, что я у ней сливки выпила! всего-то полмолочника было! Не рубль стоитъ. А вѣдь больно высѣкла! Никогда еще такъ не сѣкла!

Шорстикъ, обрадовавшись, что есть на комъ оживить сердце — рванулся на заборъ.

— Ты воровка, воровка! кричалъ онъ изо всей силы. По дѣломъ вору и мука. Чухонка хорошо сдѣлала, что выдрала тебя! Не даромъ я терпѣть не могу васъ, — всю кошачью породу вашу! Плутъ на плутѣ, воръ на ворѣ! У! такъ бы и разорвалъ тебя въ клочки!

И онъ съ неистовымъ лаемъ опять метнулся на заборъ. Топси вдругъ успокоилась: она сѣла на заборѣ, чинно поджавъ хвостикъ, и насмѣшливо стала смотрѣть на Шорстика.

— Какой вы глупый, Шорстикъ! сказала

она. Вѣдь вамъ ужь никакъ не вскокнуть сюда и не достать меня! Что-жь вы напрасно бѣснуетесь? Право, смѣшно даже смотрѣть на васъ.

Шорстикъ созналъ справедливость этого замѣчанія, пересталъ лаять и усѣлся опять на мостикѣ, бормоча сквозь зубы:

— Вѣдь не вѣкъ же будешь ты сидѣть на заборѣ! Погоди! спрыгнешь когда нибудь!

Топси, не обращая болѣе вниманія на его слова, занялась своимъ туалетомъ, — который пришелъ немножко въ безпорядокъ отъ заданной ей трепки, вымыла лапками мордочку, прилизалась и стала опять какъ ни въ чемъ не бывало.

Шорстика же ея хладнокровіе еще больше сердило. Онъ не могъ угомониться.

— Ну, посмотрите, посмотрите вы на нее! вскричалъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ. Что это за безстыдное творенье кошка! Вотъ сейчасъ вѣдь только что ее уличили въ кражѣ, — высѣкли розгами самымъ позорнымъ образомъ, на глазахъ у всѣхъ людей и звѣрей, — а она прилизалась, примазалась и разсѣлась себѣ на заборѣ, поджавъ хвостикъ! А главное, возмутительно то, что она смотритъ такой смиренницей, — такой невинной, какъ будто и воды никогда не замутитъ. Никому и въ голову не придетъ, глядя на нее, что это сидитъ воровка, которую только что высѣкли.

— Вы называете меня воровкой, безстыдницей, но подумали ли вы о томъ, отчего я стала такой?

— Очень мнѣ нужно такъ много думать о тебѣ! Стоишь ты этого! — отозвался Шорстикъ; но Увалень и Бьюти выразили желаніе слышать разсказъ Топси.

— Моя исторія самая обыкновенная, отвѣчала Топси, — и къ этому же очень грустная. Помню я, когда была маленькимъ котеночкомъ, какъ прекрасно жили мы съ маменькой на чердакѣ за трубой! Это было золотое время. У меня были сестры и братья. Мы ужь подросли немножко, умѣли прыгать и рѣзвиться, и какъ намъ было весело на чердакѣ! Въ слуховое окно проглянетъ, бывало, къ намъ солнце и ляжетъ полосой на полу, а мы-то на этомъ солнцѣ валяемся, скачемъ! Маменька наша очень ловко ловила мышей. Это былъ ея главный промыселъ. Впрочемъ иногда она отправлялась въ слуховое окно на добычу и въ когти ея попадались и птички. На чердакъ нашъ рѣдко ходили люди. Вдругъ въ одинъ день пришла прачка вѣшать бѣлье, обобрала насъ всѣхъ и понесла внизъ по лѣстницѣ. Бѣдная наша маменька, жалобно мяукая, поплелась за нами. Всѣхъ насъ роздали по чужимъ рукамъ. Я, несчастная, досталась вотъ этой злой, противной чухонкѣ. Она отнесла меня въ комнаты показать хозяйкиной дочкѣ. На бѣду мою, я понравилась этой дѣвочкѣ. Она попросила у матери своей позволенье оставить меня въ комнатахъ, мать позволила. Ну, сначала ничего, все шло хорошо: принесла дѣвочка блюдечко съ хорошимъ цѣльнымъ молокомъ и накормила меня; потомъ стала играть со мной. Навязала на веревочку бумажку и бѣгала съ ней по комнатамъ, а я ловила. Бѣгая за бумажкой, я воображала, что ловлю мышку, и мнѣ было весело. Эта игра мнѣ понравилась. Только наконецъ дѣвочка устала бѣгать, а такъ какъ играть со мной ей все еще хотѣлось, — такъ она выдумала другую игру. Затѣяла пеленать меня! Ну, на это я ужь вовсе не была согласна. Представте себѣ какъ пріятно: завернутъ васъ въ платокъ, запеленаютъ разными лоскутками, — точно въ корсетъ затянутъ, — и лежи этакъ, не смѣй шевелиться. Скучно! а главное-то вѣдь больно. Я посмотрѣла, посмотрѣла, что дальше будетъ, — да наконецъ — когда надоѣло ужь терпѣть — я взяла да и цапнула хорошенько дѣвочку въ щеку. Славный ей рубецъ провела. Долго еще послѣ того на щекѣ мѣтка видна была. Что жь бы вы думали? Вѣдь всякой, у кого есть въ головѣ здравый смыслъ, разберетъ, что виновата была дѣвочка: — зачѣмъ мучила меня? И къ тому же,

она человѣкъ—а я звѣрь. У ней въ головѣ больше должно быть ума, чѣмъ у меня—а вѣдь кто умный, тотъ долженъ быть снисходительнѣе, особенно къ намъ, бѣднымъ, домашнимъ животнымъ. Вѣдь мы вполнѣ зависимъ отъ людей,—не правда ли?

— Конечно, конечно, подтвердила Бьюти.

Увалень, внимательно слушавшій разсказъ Топси, —молча кивнулъ головой.

Но Шорстику было давно уже не до разсказа. Онъ былъ занятъ горячею перебранкой съ какими-то двумя мальчишками, которыхъ горячность его очень забавляла и которые

Прерванная бесѣда.

нарочно дразнили его.

— Шорстикъ, другъ мой,—увѣщевалъ его Увалень, — перестань, пожалуйста, вѣдь ты только людей смѣшишь и себя дурачишь!

Но Шорстикъ, ничему не внемля, продолжалъ браниться съ мальчиками.

— Ужь я васъ тяпну! славно тяпну! Что вы шатаетесь по улицамъ, ничего не дѣлаете, гадкіе мальчишки!— кричалъ онъ имъ съ негодованіемъ на своемъ собачьемъ языкѣ.

— Вишь, какой злой! Усь, усь,—отвѣчали ему мальчишки, съ громкимъ смѣхомъ подскакивая къ нему и показывая палку. Нешто мы боимся тебя? Мы тебя, забіяку, давно знаемъ!

Шорстикъ вышелъ изъ себя и подлетѣвъ со всего размаха къ тому изъ мальчишекъ, который былъ поближе къ нему, схватилъ его за рубашку. Мальчикъ закричалъ, но въ то же время стукнулъ Шорстика палкой по головѣ. Шорстикъ, не выпуская изъ зубовъ рубашки, принялся съ неистовствомъ теребить ее. Мальчикъ струсилъ и началъ громко кричать, призывая на помощь.

Прохожіе начали останавливаться. Нѣкоторые изъ нихъ пробовали унять Шорстика,— но напрасно.

Вдругъ выбѣжалъ дворникъ съ метлой и набросился на Шорстика. Видъ хозяина и метла мигомъ образумили забіяку. Онъ выпустилъ рубашку мальчика изъ зубовъ и, преслѣдуемый метлою, принялся улепетывать со всѣхъ ногъ въ собачью кануру на дворѣ.

Испуганный мальчикъ между тѣмъ плакалъ надъ своею разорванною рубашкой.

— Что это вы не держите на привязи такую злую собаку? сказалъ одинъ изъ прохожихъ дворнику, который возвратился, все еще держа въ рукахъ метлу. — Долго ли

до бѣды. Хорошо, что еще только рубашку разорвала — а кабы укусила?

— Кабы укусила, такъ бы по дѣломъ было этимъ негодяямъ, отвѣчалъ дворникъ, — они сами собаку дразнили, — шли бы мимо, не трогая ее, такъ ничего бы и не было. Полаялъ да и только! Такъ нѣтъ! Остановились, дразнить стали. Это ужь они не въ первый разъ! Я ихъ знаю. Извѣстно, звѣрь глупъ...

— Я тятькѣ скажу!— ревѣлъ между тѣмъ мальчикъ. Онъ убьетъ твою собаку,

— Пусть попробуетъ,—отвѣчалъ дворникъ. За что ее убивать? За то, что ты же раздразнилъ ее.... Вотъ тебя-то такъ не мѣшало бы поколотить за то, что не слоняйся по улицамъ, да не дразни собакъ....

Мальчикъ съ ревомъ удалился. Прохожіе посудивъ и порядивъ немножко, пошли также своей дорогой. Дворникъ, ворча что-то себѣ подъ носъ, ушелъ къ себѣ въ дворницкую. На улицѣ опять стало тихо.

— Ахъ, какая непріятная исторія! сказала Бьюти. И за чѣмъ этотъ Шорстикъ такой забіяка?

— Да, прибавилъ Увалень. Я люблю Шорстика, онъ честная собака и славно исполняетъ свою должность, но эта страсть приставать къ другимъ огромный въ немъ недостатокъ. Я боюсь, что когда нибудь онъ въ самомъ дѣлѣ дорого поплатится за нее. Либо собаки когда нибудь выдерутъ всю его шерсть клочьями до послѣдняго волоса, либо кто нибудь изъ прохожихъ исколечитъ его на всю жизнь.

— И что за удовольствіе! подхватила Бьюти. Вотъ самъ же и забился теперь въ свою кануру, вмѣсто того, чтобы дышать свѣжимъ воздухомъ и спокойно бесѣдовать съ друзьями. Миссъ Топси, прибавила она, взглянувъ на заборъ, будьте такъ добры, доскажите вашу исторію.... Я очень боюсь, что хозяйка позоветъ меня и я не успѣю дослушать.

— Меня высѣкли за то, что я оцарапала мою маленькую мучительницу, продолжала Топси, — и перестали брать въ комнаты. Единственной и полной госпожей моей стала чухонка, которую я ненавижу теперь. Надо вамъ сказать, что у ней предурной характеръ. Чуть что не по ней, или непріятность какая случится,—пирогъ ли тамъ подгоритъ, или за провизію дорого на рынкѣ заплатитъ, — такъ она сейчасъ и пойдетъ срывать сердце на всемъ, что ей попадется. Горшки, кастрюли, уполовники, кочерги, чашки, плошки, скалки, ухваты, — однимъ словомъ, все запляшетъ у ней на кухнѣ. Пойдетъ все швырять. Тогда ужь лучше и не попадайся ей на глаза. Если, бывало, въ такой недобрый часъ наткнется на меня, то такъ и швырнетъ ногой въ уголъ — только головой объ стѣну ударишься. И кормить меня въ такіе дни забывала; а такъ какъ у ней больше такихъ дней, чѣмъ хорошихъ, то и приходилось мнѣ больше бывать голодной, чѣмъ сытой. Голодъ ужасное чувство, друзья мои! Попробуйте поголодать денекъ, другой, и вы его вполнѣ поймете. Чтожь мнѣ было дѣлать? Я стала воровать. Чуть только оплошаетъ моя чухонка, — я сейчасъ стяну кусокъ говядины и маршъ съ нимъ подъ печку. Хватится она искать его и смекнетъ въ чемъ дѣло. Возьметъ кочергу и полезетъ подъ печку. Бьетъ меня, да еще приговариваетъ: „Ахъ ти рашпойница этакая! Мишей не лофишь и кофядинъ мой форуешь.“ А сама все кочергой-то загребаетъ, да загребаетъ, чтобы меня изъ-подъ печки вытащить. Какъ вытащитъ, такъ и высѣчетъ голикомъ. Мало по малу такое обращеніе страшно раздражило и ожесточило меня. Я принялась воровать у моей чухонки все, что ни попадало мнѣ подъ лапу — все равно ужь была ли я сыта или голодна. Я воровала уже собственно для того, чтобы надосадить ей. Воровство стало у меня привычкой. Вотъ и давича отчего я полакала у ней сливокъ изъ молочника? Оттого, что ее не было въ кухнѣ — можно было — ну, а ужь если можно что нибудь украсть мнѣ, теперь, ни зачто не утерпѣть...

— Бьюти! Бьюти! раздался вдругъ съ крыльца голосъ хозяйки.

— Ахъ, какъ скучно! проговорила Бьюти, — меня ужь зовутъ домой!

— Бьюти! Бьюти! раздалось снова съ крыльца.

— Какая досада! промолвила опять Бьюти, тряхнувъ съ огорченія своими длиннымн красивыми ушами. Не пойду, прибавила она надувшись,— пусть зоветъ.

— Миссъ Бьюти, сказалъ Увалень, какъ ни пріятно мнѣ ваше общество, но я совѣтывалъ бы вамъ послушаться. Повѣрьте моей опытности — лучше будетъ. Надо всегда помнить, что мы, домашнія животныя, во всемъ зависимъ отъ человѣка. Зачѣмъ же его раздражать?

Но на хорошенькую Бьюти напалъ припадокъ упрямства.

— Не пойду, не пойду, — мнѣ скучно дома!.. повторила она.

— Ахъ, ты дрянная собаченка,—раздался вдругъ голосъ ея хозяйки уже надъ самымъ ея ухомъ. Что это ты выдумала не слушаться меня? Погоди-ка, вотъ я тебя прогоню домой розгой!..

Мысль, что ее могутъ позорно высѣчь розгой, — очень испугала хорошо воспитанную миссъ Бьюти. Она сконфузилась и пригнувъ почти къ самой землѣ головку, не смѣя ни на кого взглянуть отъ стыда, — поползла къ своей госпожѣ, съ видомъ искренняго раскаянія, что всегда дѣлала, когда хотѣла выпросить себѣ прощенье.

Госпожа ея погрозила пальцемъ и сказала еще нѣсколько внушительныхъ словъ. Бьюти печально побрела за ней во свояси.

Миссъ Топси спрыгнула съ забора въ садъ и завидѣвъ воробушка, запоздавшаго на вѣткѣ, притаилась за кустикомъ, въ ожиданіи не слетитъ ли онъ на дорожку.

Между тѣмъ наступали сумерки. На дачахъ становилось все тише и тише. Прохожіе проходили рѣже. Экипажи перестали гремѣть, только цвѣты благоухали сильнѣе. Можетъ быть они, на своемъ цвѣточномъ языкѣ, благодарили Бога за прекрасный день. Дѣти ложились спать. Мало по малу, чудная полная луна всплыла высоко на небѣ и будто лаская землю облила ее серебристымъ, мягкимъ свѣтомъ. Настала ночь. Увалень зѣвнулъ раза два и побрелъ въ свою кануру. Наконецъ все стихло и заснуло въ окрестностяхъ, только по временамъ раздавался стукъ въ доску ночныхъ сторожей, да неугомонный Шорстикъ вторилъ ему своимъ безтолковымъ лаемъ.

На другой день, подъ вечеръ, Увалень по своему обыкновенію опять вышелъ за ворота людей посмотрѣть и себя показать. Вскорѣ прибѣжалъ и Шорстикъ. Хозяйка миссъ Бьюти пустила также и ее погулять. У собакъ опять завязалась дружеская бесѣда. Сначала говорили о разныхъ разностяхъ.

Увалень доказывалъ Шорстику, что онъ совершенно напрасно бранился вчера съ мальчишками и разорвалъ одному изъ нихъ рубашку. Шорстикъ же не соглашался съ нимъ и оправдывался по своему.

Вдругъ на концѣ забора показалась миссъ Топси. На этотъ разъ она выступала тихо и плавно, высоко поднявъ пушистый хвостъ. Въ осанкѣ ея было что-то торжественное и гордое, — зеленые глазки такъ и сверкали, какъ изумруды.

Первый завидѣлъ ее Шорстикъ.

— Посмотрите-ка, посмотрите, вскричалъ онъ, прервавъ разговоръ свой съ Увальнемъ. Топси-то наша! Вонъ плыветъ по забору. Фу ты, какая важная сегодня, точно барыня по Невскому выступаетъ! Что это съ ней сдѣлалось?

Топси поровнялась въ это время съ собаками и остановилась на заборѣ надъ ними.

— Миссъ Топси! вскричалъ задорный Шорстикъ поднявъ голову,— васъ вѣрно еще не драли сегодня за воровство?

— Нѣтъ, не драли, отвѣчала Топси, смотря ему въ глаза.

— То-то, это по всему и видно! Оттого-то вы сегодня такъ и заважничали!

— Теперь уже никого не будутъ ни бить, ни драть. Я это слышала вчера и намъ нечего больше бояться ни хозяйскихъ розокъ, ни дворницкой метлы. Теперь намъ всѣмъ славное житье будетъ! Я сегодня такую чудесную новость услыхала, такую, что вы всѣ запляшете отъ радости, когда я вамъ разскажу!

— Почему же такъ? — спросили ее собесѣдники.

— Общество нынче завелось! Хорошее общество для насъ бѣдныхъ животныхъ! отвѣчала Топси.

— Какое общество, миссъ Топси? спросилъ Увалень.

— Общество покровительства животныхъ! Насъ не будутъ ни сѣчь, ни бить!—кричала миссъ Топси, выдѣлывая разные прыжки. Теперь никто не посмѣетъ больше обижать насъ. Нашлись такіе добрые люди, которые взяли всѣхъ насъ животныхъ подъ свое покровительство. Кто насъ захочетъ мучить — тотъ плати теперь штрафъ въ это общество. А люди очень дорожатъ своими деньгами — значитъ и оставятъ насъ въ покоѣ. То-то житье намъ будетъ! Прелесть! Чудо!

И Топси вдругъ понеслась стрѣлой вдоль забора.

— Что съ ней? Что такое?— проговорилъ Увалень, съ удивленіемъ слѣдя за ней глазами. Про какое она это общество толкуетъ? Что-то странно!

— Вретъ, вретъ! все вретъ!—оралъ Шорстикъ. Что ты ей вѣришь? Просто все изъ своей глупой кошачьей головы выдумала! Извѣстно, кто воруетъ — тотъ и лжетъ. Ну статочное ли дѣло, чтобы люди стали ради насъ еще разныя общества устраивать? До того ли имъ?

— Вы не вѣрите?—замѣтила обиженнымъ тономъ Топси, — но я говорю чистую правду, увѣряю васъ. Вчера вечеромъ, пошла я прогуляться по садамъ здѣшнихъ дачъ. Было уже темно, всѣ спали, но одна дача, далеко отсюда была ярко освѣщена. Я увидала это съ забора и пробралась до нее. Мнѣ хотѣлось знать, что тамъ дѣлается. Дойдя, я спрыгнула съ забора въ садъ. На дачѣ было много гостей и двери изъ гостиной на крыльцо были отворены. Я прокралась къ нему и притаясь вблизи стала смотрѣть и слушать. На крыльцѣ, обтянутомъ полосатой парусиной, въ родѣ балкона, стояли стулья и сидѣли гости. Они говорили о разныхъ разностяхъ. Много чего я переслушала, какъ вдругъ одинъ какой-то господинъ, съ бородой и въ очкахъ, сталъ разсказывать двумъ дамамъ про общество покровительства животныхъ. Онъ сказалъ все, что я уже говорила вамъ. Что члены этого общества будутъ покровительствовать животнымъ, заступаться за насъ бѣдныхъ, когда насъ мучатъ. Дамы очень были рады и одна изъ нихъ еще разсказала, что недавно видѣла, какъ мужикъ жестоко билъ лошадь, которая не могла везти бочку съ водою, потому что очень устала.

— Ну вотъ, сказалъ господинъ, теперь это мало по малу выведется. Когда общество откроетъ свои дѣйствія — каждый сострадательный человѣкъ будетъ имѣть право остановить такого мужика.

— Слава Богу, сказала дама, что мы дожили до того, что и съ животными будутъ обращаться сострадательно.

Я отъ радости не могла спать цѣлую ночь, а все мечтала о томъ, какъ отомстить злой кухаркѣ и вотъ, что придумала:

— Полечу сейчасъ къ ней и утащу у ней все — говядину, рыбу, сливки опять выпью. Если же она мнѣ хоть слово скажетъ, — я ей всѣ руки перецарапаю до крови, — а потомъ и объясню ей, что она теперь не смѣетъ ничего у меня отнимать, потому что существуетъ общество покровительства животныхъ. Воображаю, какъ она удивится и разозлится! Прощайте!

— Миссъ Топси! миссъ Топси! постойте! вернитесь! кричали ей вслѣдъ собаки. По-

*

дождали бы вы лучше немножко! Такъ ли все это, какъ вы слышали?

Но Топси, ничему не внимая, скрылась за сосѣднимъ заборомъ.

— Экая глупая! проворчалъ Шорстикъ. Такъ и повѣрила сейчасъ тому, что люди говорятъ! Вонъ я самъ слышалъ, какъ мой дворникъ говорилъ, что будто мы, собаки, поганое животное, потому что шерсть вашу далъ намъ нечистый, — ну какъ повѣрить этому?

— Ахъ, какой вашъ дворникъ глупый! замѣтила Бьюти.

— Онъ не одинъ такъ думаетъ, сказалъ Увалень. Къ несчастью, такое нелѣпое мнѣніе о насъ собакахъ очень распространено въ простонародьѣ. Это можетъ быть одна изъ причинъ, почему простой человѣкъ обращается иногда съ нами такъ жестоко. Что же касается до разсказа миссъ Топси, — то тутъ что-то не такъ. Я думаю, что она не совсѣмъ хорошо поняла, о чемъ говорили.

— Вонъ, распросилъ бы этого франта, сказалъ Шорстикъ, кивнувъ головой на красиваго, бѣлаго пуделя, который только что вышелъ изъ воротъ одной дачи, и поднявъ голову обнюхивалъ воздухъ и озирался по сторонамъ.—Если есть что нибудь подобное, такъ онъ ужь вѣрно знаетъ. Онъ вѣдь больше ничего не дѣлаетъ, какъ только сидитъ на коврѣ въ гостиной у своего хозяина, да слушаетъ, что говорится...

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Увалень, онъ вѣрно знаетъ. Позовемъ его.

— Мистеръ Денди, не зайдете ли вы на минутку сюда, къ намъ на мостикъ?—закричали ему собаки. Намъ васъ очень надо.

— Сейчасъ приду! гамкнулъ въ отвѣтъ имъ мистеръ Денди и гордо поднявъ красивую голову, солидной и мѣрной поступью, какъ истый джентльмэнъ, пошелъ къ мостику, на которомъ бесѣдовали собаки.

Мистеръ Денди считался, у всѣхъ въ околодкѣ, самой благовоспитанной и просвѣщенной собакой. Къ нему обращались обыкновенно за разрѣшеніемъ всѣхъ сомнительныхъ вопросовъ. Онъ жилъ въ холѣ и нѣгѣ у одного очень ученаго господина и слыша безпрестанно разные умные разговоры—образовалъ себя на сколько это возможно животному.

Увалень разсказалъ ему въ чемъ дѣло.

— Какой вздоръ! сказалъ Денди. Выходитъ, что миссъ Топси вовсе не поняла намѣреній и цѣли этого общества.

— А есть такое общество? Это правда, она не выдумала? — воскликнула Бьюти.

— Какже! отвѣчалъ Денди,—общество это существуетъ и уже открыло свои дѣйствія. Господинъ мой записался вчера въ число его членовъ. Я сегодня съ тѣмъ вышелъ изъ дому, чтобы сообщить вамъ эту радостную для насъ новость. Но только цѣль его—вовсе не покровительство воровству и разнымъ дурнымъ поступкамъ. Миссъ Топси напрасно воображаетъ, что можетъ отнынѣ безнаказанно воровать говядину и выпивать чужія сливки. Мы живемъ въ благоустроенномъ государствѣ, гдѣ о покровительствѣ ворамъ не можетъ быть и рѣчи.

— А что жъ это за общество? Для чего его учредили? Растолкуйте намъ пожалуйста, — сказала Бьюти.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Денди. Вотъ видите-ли: мы, домашнія животныя, находимся въ вѣчной и полной зависимости отъ человѣка. Другое дѣло—звѣрь въ лѣсу. Тотъ всегда готовъ помѣриться съ человѣкомъ, потому что не нуждается въ немъ, да и средства его къ защитѣ и нападенію сильнѣе нашихъ. Мы же безъ человѣка совершенно пропадемъ. Кто бы сталъ поить и кормить насъ? кто бы пріютилъ? Къ нашему несчастью, не всѣ люди одинаковы. Есть люди добрые, которые не обижаютъ насъ, не морятъ голодомъ, не бьютъ. Но есть и такіе, которые на томъ основаніи, что мы звѣри, то есть: стоимъ на гораздо низшей ступени въ природѣ, нежели человѣкъ,—обращаются съ нами съ возмутитель-

ною жестокостью. Вотъ добрые-то люди и придумали между собою устроить общество для обузданія этой жестокости—они взяли на себя обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы намъ не дѣлали зла по пустому, то есть чтобы съ нами обращались хорошо, не били и не мучили, когда мы этого не заслуживаемъ и чтобы въ случаѣ, когда мы заслуживаемъ наказаніе,—то чтобы оно не было черезъ чуръ жестоко, сообразно нашимъ силамъ.

— Ахъ, какое это прекрасное, благодѣтельное общество! воскликнула миссъ Бьюти.

— Да, это ей доказываютъ, прибавилъ Увалень, что нѣтъ никакого общества, которое бы покровительствовало ворамъ. А все-таки жаль Топси! Если бы эта дурная женщина кормила ее, какъ слѣдуетъ, такъ Топси теперь не мяукала бы такъ пронзительно подъ ея розгой.

— Ну что ее жалѣть, сказалъ Шорстикъ, по дѣломъ вору и мука!

— Не суди виновнаго такъ строго, Шорстикъ, возразилъ Увалень. Подумай о томъ, что каждый изъ насъ можетъ легко быть въ такомъ же положеніи, какъ Топси. Наша

Торжественная встрѣча.

— Да, прибавилъ Увалень, это дѣйствительно благодѣтельное общество и наши собачьи сердца, друзья мои, должны преисполниться благодарностью къ человѣку.

— Основаніе общества покровительства животныхъ составитъ блестящую эпоху въ исторіи нашего собачьяго рода,— замѣтилъ Денди.

Въ это время, съ дачи, стоявшей на искось, опять раздался пронзительный кошачій ревъ.

— Ахъ! ахъ! вскричала Бьюти, опять эта несчастная миссъ Топси попалась.

нравственность много зависитъ оттого, какъ съ нами сбращается человѣкъ....

— Если вы, Шорстикъ, будете и впередъ также рвать рубашки, какъ оборвали вчера ее мальчику, — такъ и вамъ не сдобровать, замѣтила Бьюти. Никакое общество не заступится за васъ.

Шорстикъ равнодушно отвернулъ морду въ сторону и принялся смотрѣть на дорогу, точно будто говорили не ему и не про него.

Вдругъ вдали показалось легкое облако пыли и загремѣлъ экипажъ. Денди внимательно сталъ всматриваться.

— Такъ, такъ, проговорилъ онъ, черезъ нѣсколько секундъ, это онъ, мой хозяинъ. Я узнаю нашу гнѣдую лошадь, вонъ и нашъ кучеръ Прокофій сидитъ на козлахъ.

— Мистеръ Денди, сказалъ вдругъ Бьюти съ живостью, вы кажется говорили, что господинъ вашъ членъ этого общества покровительства животныхъ?

— Да, да, отвѣтилъ Денди.

— Ахъ, друзья мои, устроимте торжественную встрѣчу этому достойному человѣку.

Остальныя собаки согласились и кинувшись на встрѣчу къ подъѣзжавшему экипажу, громко и дружелюбно залаяли въ честь покровителя беззащитныхъ и слабыхъ животныхъ.

С. Соболевская.

БѢДНОСТЬ ЛЮДЯМЪ НЕ ВЪ УКОРЪ.

(картины изъ всѣдневной жизни).

Комедія для дѣтей.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МАРЬЯ ѲЕДОРОВНА БѢЛЬСКАЯ. Вдова, лѣтъ 45; одѣта просто, но чисто; волосы у нея съ просѣдью, на головѣ кисейный бѣлый чепчикъ. По манерамъ и разговору видно, что это образованная женщина.

Сынъ ея АЛЕКСѢЙ. Мальчикъ лѣтъ 16, въ блузѣ изъ небѣленаго полотна. Учится у механика, на заводѣ.

Дочь ея ВАРЯ. Веселая, проворная дѣвочка, лѣтъ 14; одѣта такъ же просто, какъ мать, въ бѣломъ передникѣ. По манерамъ ея тоже замѣтно, что она получила хорошее воспитаніе.

НИНИ ДРЕЙШОСЪ, дочь откупщика. Очень нарядная дѣвочка, въ лентахъ, букляхъ и кружевахъ; вспыльчива, но очень добра. Однихъ лѣтъ съ Варей.

Mademoiselle MARIE, ея гувернантка. Чопорная, сухая швейцарка, въ локонахъ и въ перчаткахъ. Молчаливая и серьезная, когда съ ней не говорятъ, она читаетъ какую-то маленькую книжечку.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ подмосковномъ селѣ.

Примѣчаніе автора. Для желающихъ помѣщенъ въ выноскахъ французскій переводъ тѣхъ фразъ, которыя говоритъ гувернантка.

Явленіе 1-е.

СЦЕНА 1-я. (Лѣтнее утро).

(Театръ представляетъ довольно большую комнату въ сельскомъ домикѣ; прямо противъ зрителей два окна выходятъ въ паркъ. Около одного окна пяльцы, тщательно закрытыя; у другаго кожаное кресло и рабочій столъ. На лѣво дверь. На право, ближе къ сценѣ, печка съ лежанкой, на которой стоятъ утюги. Марья Ѳедоровна гладитъ на доскѣ бѣлье. Варя мелетъ цикорій, сидя на скамеечкѣ прямо противъ сцены).

Бѣльская. Сейчасъ кончу гладить послѣднюю рубашку и понесу къ Дрейшосу, а ты, Варя, покамѣсть, приготовь все, что нужно для кофею, да сбѣгай за масломъ, возьми его копѣекъ на 15. Я вамъ сегодня блиновъ къ обѣду испеку; Алеша придетъ измученный, у нихъ на заводѣ новыя машины устанавливаютъ, надо его угостить хорошенько. Трудно ему бѣдному!

Варя. Я, мамочка, сегодня утромъ грибовъ въ рощѣ набрала; можно ихъ изжарить, если прикажешь.

Мать (*складывая рубашку*). Пожалуй; да есть ли сметана у насъ?

Варя. Я вчера сливки спрятала, что Марѳа принесла мнѣ за работу; онѣ не очень свѣжи, можно ихъ въ теплое мѣсто поставить и будетъ сметана.

Мать. Распорядись, какъ знаешь, только помни, Варя, что я люблю аккуратность. Я вернусь черезъ полъчаса; ты такъ устрой, чтобы къ моему приходу все было на мѣстѣ, и столъ накрой, и сковороду приготовь для блиновъ, и кофейникъ съ водою поставь на плиту (*кладетъ осторожно бѣлье въ корзину, повязываетъ голову платочкомъ и цѣлуетъ дочь*). Ну, прощай, я пойду.

Варя. Будь покойна, мамочка, все будетъ готово. Только ты не очень спѣши, жара на дворѣ страшная, ты вспотѣешь и простудишься; иди тѣнью, по главной аллеѣ, теперь очень жарко. (*Цѣлуетъ мать и провожаетъ ее до дверей*).

СЦЕНА 2-я.

Варя одна (*начинаетъ накрывать столъ*).

Какъ всѣ богатые люди невнимательны! Дрейшосъ хорошо знаетъ въ какомъ мы положеніи, а никогда не пришлетъ человѣка за бѣльемъ. У нихъ цѣлый домъ людей, а все отзываются тѣмъ, что некогда бѣгать. Шутка ли мамочкѣ бѣжать теперь къ нимъ черезъ весь паркъ, съ корзиной на плечѣ! А чѣмъ мы хуже ихъ? Только развѣ тѣмъ, что бѣдны. Жаль, что Нини ничего не знаетъ; скажи я ей, что мама гладитъ ихъ дорогое бѣлье, она ни за что бы не позволила ей носить самой корзину. Хоть мама и не велѣла ей говорить, — а право, скажу! Нини обѣщала заѣхать сюда.,. А... а! вотъ и Алеша идетъ! я слышу его шаги.

СЦЕНА 3-я.

Варя и Алеша (*онъ входитъ красный и измученный*).

Алеша. Ай-да молодецъ сестра! Столъ готовитъ и кофеемъ пахнетъ. Отлично! я голоденъ, какъ волкъ!

Варя (*бѣжитъ къ нему на встрѣчу*). Голубчикъ, братъ! принеси пожалуйста ведро воды, да подложи дровъ въ кухонную печку. Я побѣгу за масломъ. У насъ сегодня блины будутъ.

Алеша. Блины! съ какой радости? Кладъ, что-ли, нашли?

Варя (*смѣется и надѣваетъ широкую соломенную шляпу на голову*). Какой кладъ! Купецъ Куровъ предложилъ мамочкѣ 5 фунт. гречневой муки по дешевой цѣнѣ, за то, что я вышила кофточку его маленькой дочери; а мама обѣщала насъ блинами угостить. Однако пора, Алеша, мнѣ нужно еще масла купить, смотри, накачай воды у колодца (*убѣгаетъ*).

СЦЕНА 4-я.

Алеша одинъ.

Алеша (*достаетъ ведро, убираетъ утюги и гладильную доску*). Эхъ! какъ бы мнѣ поскорѣе поправиться да поступить машинистомъ на заводъ! 300 руб. жалованья—шутка ли! Бѣдная мать совсѣмъ измучилась. Господи! помоги Ты мнѣ! Вотъ сегодня меня хозяинъ очень хвалилъ, обѣщалъ прибавить 3 рубля въ мѣсяцъ. Славно будетъ— почти 15 руб. стану получать. Сейчасъ матери бурнусъ куплю — ужь ея люстриновый-то износился совсѣмъ. Дорого бы я далъ, чтобы одѣть ее и сестру получше. Сердце ноетъ, глядя какъ онѣ трудятся! (*смотритъ въ окно*). Э! да вонъ никакъ Ниночка ѣдетъ, а я за водой еще не ходилъ (*беретъ фуражку и сталкивается въ дверяхъ съ Нини и гувернанткой*). Анна Карловна! Милости просимъ! Матушка и сестра сейчасъ придутъ, а меня за водой послали! Mademoiselle Мари, мое почтеніе!

Нини (*съ улыбкой протягиваетъ ему руку въ перчаткѣ*). Здравствуйте! Извините, что мы такъ рано! мнѣ нужно видѣть Марью Ѳедоровну.

Алеша. Присядьте, пожалуйста, мы всѣ явимся черезъ пять минутъ; не взыщите ужь съ насъ—по хозяйству заняты, нельзя было не отлучиться (*уходитъ*).

Явленіе 2-е.

СЦЕНА 1-я.

Нини и гувернантка.

Гувернантка. Куда онъ ушелъ, моя милая [1]).

Нини (*отвѣчаетъ очень сухо, отворачивается отъ гувернантки и начинаетъ осматриваться*). Какъ кажется, за водой. Какъ у нихъ бѣдно, и какъ чисто! Мнѣ такъ легко у нихъ

[1]) Où est-il allé, ma chère?

дышется. На столѣ толстая скатерть, чашки простыя, у ножей ручки деревянныя, а мнѣ все лучше нравится, чѣмъ у насъ: золото, серебро, хрусталь — а все злыя лица. Боже мой! какая тоска у насъ въ домѣ. Папа все въ Москвѣ живетъ, пріѣзжаетъ только на нѣсколько часовъ, а эти противныя миссы, Fräulein, Mademoiselle, помыкаютъ мною какъ куклой; у папа все денегъ выпрашиваютъ, воруютъ фрукты въ оранжереѣ и цѣлый день ссорятся между собой. Лучше бы я здѣсь у Марьи Ѳедоровны жила. (*Садится у окна и нюхаетъ букетъ розъ, который стоитъ въ стаканѣ*).

Гувернантка (*осматриваетъ всю комнату и останавливается передъ гравюрой съ картины Иеффа: Ангелъ молитвы*). Какая красота! Эти бѣдные люди любятъ живопись, Нини? [2])

Нини (*про себя*). Вотъ глупая-то! она думаетъ вѣрно, что Бѣльскіе люди необразованные?

Гуверн. Что вы сказали, мое дитя? [3]) (*садится въ кресло у окна*).

Нини (*въ полголоса*). Что вы смертельно скучны. Боже мой! скоро ли Варя вернется (*смотритъ въ окно и вскакиваетъ*). Ахъ! наконецъ-то!... (*бѣжитъ къ ней навстрѣчу*).

СЦЕНА 2-я.

Тѣже и Варя съ горшечкомъ масла въ рукѣ.

Нини (*хочетъ ее поцѣловать*). Варюша! здравствуй! Какъ я давно тебя жду!...

Варя (*весело*). Постой, Ниночка, запачкаешься! Mademoiselle Мари, здравствуйте! (*киваетъ ей головой съ улыбкой и ставитъ осторожно масло на столъ*). Ну вотъ теперь поцѣлуемся! (*цѣлуетъ крѣпко Нини*). Что ты такъ рано пріѣхала? Какъ это тебя вывезли въ такую жару? Вѣдь загорѣть можно! (*обѣ хохочутъ*).

Нини. Ужь не говори, пожалуйста! Я нянѣ велѣла себя разбудить въ 10 часовъ. Счастье мое, что сегодня эта рыжая дежурная — она все подобрѣе тѣхъ. Я выпросилась при ней у папа и онъ велѣлъ, чтобы коляску заложили, когда я прикажу. Видишь что: мнѣ нужно сегодня вечеромъ къ балу вѣнокъ изъ васильковъ. Я хочу попросить твою мамашу сплести мнѣ его. Стольскіе даютъ балъ и послали за розами къ Горину. Они уговаривали папа и мнѣ выписать цвѣтовъ. Да я не хочу быть съ ними одинаково одѣта.

Варя. Мама отлично плететъ вѣнки, а для тебя она выдумаетъ что нибудь такое, чего ни одной француженкѣ и въ голову не придетъ Ты въ бѣломъ будешь?

Нини. Да, мнѣ прислали вышитое кисейное платье, говорятъ, страшно дорого стоитъ.

Варя. Такъ, пожалуй, вѣнокъ и не подойдетъ къ нему.

Нини. Нѣтъ, нѣтъ, безъ вѣнка не поѣду, хоть что нибудь да надѣну изъ добрыхъ рукъ. Когда же твоя мама вернется?

Варя (*смотритъ на стѣнные часы*). Она должна скоро быть, почти полчаса какъ ушла.

СЦЕНА 3-я.

Тѣже и Марья Ѳедоровна.

Нини и Варя. А!.. наконецъ! (*бросаются къ ней*).

Бѣльская. Тише, тише, дѣти, съ ногъ собьете совсѣмъ. Нини! дитя мое, какъ я рада тебя видѣть. Bonjour, mademoiselle Девель! (*кланяется ей и цѣлуетъ Нину*).

Mademoiselle Мари (*дѣлаетъ удивленное лицо и отвѣчаетъ по французски*) Comment, vous parlez français? (*протягиваетъ ей руку и снова опускается въ кресло*).

Нини. Ну, чему она все удивляется? Какая несносная! Не обращайте на нее вни-

2) Quel beau tableau! Ces pauvres gens là ont du gout pour la peinture, Nini?

3) Que dites vous là, mon enfant.

манія, Марья Ѳедоровна! какъ меня папа ни пріучаетъ къ нимъ, терпѣть ихъ не могу! Развѣ бы я не могла пріѣхать къ вамъ хоть съ няней? Нѣтъ, говорятъ, неприлично. Тащи швейцарку съ собой!...

Бѣльская. Не хорошо такъ невѣжливо обращаться съ гувернантками, дитя мое! Я сама была гувернанткой, и знаю, какъ это обидно.

Нини (*ласкаясь къ ней*). Милая вы моя, дорогая Марья Ѳедоровна! если бы вы были моей гувернанткой, я бы васъ очень любила. Ужь одно то, что мама покойница васъ другомъ звала. Я этого никогда не забуду. А вы посмотрите, какъ *эти* меня мучаютъ. Цѣлый день въ корсетѣ, слова по русски не скажи! Вчера была дежурная нѣмка, все кричала: Still, still, mein Fräulein! Was sind das für maniere! Wie sie laut sprechen! Es geht nicht!.. Сегодня эта рыжая ко мнѣ приставлена. Завтра, англичанка цѣлый день ворчать будетъ; а на что мнѣ манеры? Я не люблю баловъ, я не хочу выѣзжать! Ну, зачѣмъ мнѣ эти кружева, ленты, зачѣмъ? зачѣмъ (*она начинаетъ рвать свои рукава, юбку, ленту въ волосахъ*)...

Гувернантка. Nini, Nini! (*кричитъ по французски*) Что съ вами? Какой стыдъ! (*хочетъ ее остановить и въ это время трясетъ за плечо*).

Нини (*вырываясь отъ нея*). Оставьте меня! пустите! мы въ гостяхъ, вы не смѣете вольничать надо мною! (*плачетъ и прячется за Бѣльскую*).

Бѣльская (*строго*). Нини! перестань! успокойся. Оставьте ее въ покоѣ, mademoiselle Marie! Полно, дитя мое! Это негодится. Посмотри, на что ты похожа? (*поправляетъ ей локоны и цѣлуетъ*) Полно плакать, давай лучше хозяйничать. Я начну блины печь, а ты съ Варей жарь грибы и вари кофе. Алеша сейчасъ вернется и мы вмѣстѣ отобѣдаемъ; тебѣ будетъ завтракъ, а намъ обѣдъ. Не плачь, твои глаза распухнутъ и папа разсердится; пожалуй, къ намъ пускать не станетъ.

Нини (*утирая слезы и улыбаясь*). Не буду, не буду! Только вы не сердитесь, а папа не до меня!..

Варя (*во все время разговора чиститъ грибы и съ участіемъ смотритъ на дѣвочку*): Конечно, Ниночка, чего тутъ плакать! Давай лучше варить кофе, у насъ цикорный, правда, да вѣдь онъ здоровѣе, чѣмъ настоящій. А гувернанткѣ мы два яица сваримъ, у насъ три курицы свои. Давай вмѣстѣ кушанье готовить, помнишь, какъ мы при твоей покойной мамѣ, въ Москвѣ, это дѣлали?

Нини (*развеселившись*). Ну, давай, давай!

Бѣльская. Вотъ только фартучекъ надѣнь сверхъ платья, а то запачкаешься, да къ печкѣ близко не подходи, у тебя платье легкое.

Нини. Ужь сколько разъ я просила папа сшить мнѣ ситцевое, да вотъ *эти* все возстаютъ (*головой показываетъ на швейцарку*).

Гувернантка (*все время подозрительно смотритъ на дѣвочку, и видя, что ей надѣваютъ фартукъ, кричитъ*) Зашѣмъ? зашѣмъ?

Нини. Не ваше дѣло...

Бѣльская. Нини, тсъ! Извините, mademoiselle Marie, она не запачкаетъ своего платья — я отвѣчаю за это.

Гувернантка (*опускается въ кресло и принимается за чтеніе.*

Явленіе 3-е.

СЦЕНА 1-я.

Тѣже и Алеша.

Алеша (*бережно ставитъ ведро около печки, сбрасываетъ фуражку и почтительно цѣлуетъ руку у матери*). Здравствуй, матушка! поздравь меня, я получилъ прибавку жалованья, вотъ тебѣ и деньги (*подаетъ ей красную и синюю ассигнаціи*). Цѣлыхъ 15 р.!— я было

думалъ, что Ѳедоръ Петровичъ посулилъ только, а вотъ сейчасъ Миша прибѣжалъ, и принесъ деньги. Не нужно вамъ, говоритъ, къ расчету идти вечеромъ, завтра распишитесь, а сегодня Ѳедоръ Петровичъ на балъ ѣдетъ къ Стольскимъ.

Бѣльская. Награди его Богъ за вниманіе къ тебѣ; ты бы, другъ мой, все-таки сходилъ поблагодарить.

Алеша. Сходить-схожу, а ты меня накорми прежде.

Мать. Сейчасъ, голубчикъ, все поспѣетъ. Ты видѣлся развѣ съ Нини и mademoiselle Marie? (*Уходитъ въ кухню съ сковородами и масломъ*).

Алеша. Какъ же, — мы столкнулись у дверей. Анна Карловна, это что значитъ? въ фартукѣ и за стряпней? (*объ дѣвочки хохочутъ*).

Нини. Да, я вамъ грибы готовлю.

Алеша. Отлично! Только за свое ли дѣло взялись? Ручки-то у васъ нѣжныя, только вальсы да польки умѣютъ играть.

Нини (*вспыхнувъ*). Неправда! Я теперь сонату Бетховена учу. Вы не имѣете права смѣяться.

Варя. Которую сонату, Нини? (*уходитъ съ грибами въ кухню къ матери*).

Нини. Да ту, что съ варіаціями, ты помнишь?

Алеша. А-а! такъ у васъ другой вѣтеръ подулъ въ домѣ?

Нини. Вы не повѣрите, какого славнаго старичка-музыканта мнѣ наняли; это не то что прежній франтъ.

Алеша. Ну, а книги другія даютъ? или все прежнія *contes pour les enfants*.

Нини. Чѣмъ же я виновата, Господи! Папа все въ Москвѣ, пріѣзжаетъ не надолго. Всегда скучный, жолчный. До меня ли ему? Я, право, боюсь, нѣтъ ли у него горя какого!

Алеша (*пристально смотритъ на нее*). А если бы и такъ? Неужели на свѣтѣ все только радости да балы? Вы точно дорогая птичка въ золотой клѣткѣ, Анна Карловна. Пересади васъ въ простую деревянную, вы и пропали!

Нини (*горячась*). Никогда не пропаду, нигдѣ и никогда! Мнѣ только папа жаль. Я давно слышу, что его дѣла плохи! (*голосъ ея дрожитъ она глотаетъ слезы. Въ эту минуту входитъ Варя съ сковородой въ рукѣ*).

Варя. Да полно тебѣ, Алеша, дразнить ее, сядемъ лучше обѣдать. Кофе готовъ, грибы также, а вотъ, и блины у мамы поспѣли.

СЦЕНА 2-я.

(*Входитъ Бѣльская съ блинами, ставитъ масло и сметану на столъ, достаетъ изъ шкафа блюдо съ вишнями*).

Бѣльская. Ты, Алексѣй, я слышала, все придираешься къ Ниночкѣ, оставь ее въ покоѣ, она не виновата, если ея домашняя жизнь сложилась такъ, что она не можетъ быть полезной; кто знаетъ, обстоятельства перемѣняются и изъ нея выйдетъ отличная женщина, а не куколка, какъ ты ее называешь. Ниночка, станешь ли ты цикорій пить? я хоть и прибавила туда немного кофе, да не знаю, по вкусу ли тебѣ будетъ.

Нини. Мнѣ у васъ все вкусно, Марья Ѳедоровна, я дома никогда такъ не ѣмъ, какъ здѣсь.

Варя. Мамочка! Нини ѣдетъ сегодня на балъ къ Стольскимъ и говоритъ, что на прудѣ въ паркѣ будетъ иллюминація; пойдемте вечеромъ гулять.

Нини. Да, Марья Ѳедоровна, душенька! ступайте туда, а мнѣ сплетите вѣнокъ изъ васильковъ къ балу, я за тѣмъ и пріѣхала къ вамъ.

Бѣльская. Съ удовольствіемъ; но гдѣ же я возьму васильковъ?

Нини. Я пошлю Петра или Андрея за ними въ поле.

Алеша. Зачѣмъ вамъ людей разсылать:

имъ и безъ того дѣла много, я самъ принесу васильковъ, мнѣ будетъ по дорогѣ, я сейчасъ иду на заводъ.

Нини. Merçi; да что же вамъ хлопотать?..

Бѣльская. Полно, дитя мое, ты не смотри, что Алеша все тебя дразнитъ, онъ тебя очень любитъ, у него уже манера такая. Онъ и къ сестрѣ все пристаетъ.

Алеша (*вставая изъ за стола*). Ну, мой обѣдъ конченъ. Прощайте, Анна Карловна, я васъ ужь здѣсь вѣрно не застану. Цвѣты будутъ — не безпокойтесь (*цѣлуетъ руку у матери*). Спасибо, родная, за обѣдъ! (*обращаясь къ сестрѣ*), а тебѣ, Варюша, за отличные грибы (*кланяется гувернанткѣ и уходитъ*).

СЦЕНА 3-я.

(*Бѣльская и дѣвочки начинаютъ прибирать со стола, гувернантка молча ѣстъ вишни*).

Нини. Варя, развѣ твой братъ цѣлый день занятъ?

Варя. Да какъ же? Если бы мы ничего не дѣлали, мамочкѣ не достало бы средствъ насъ содержать.

Нини. Желала бы я знать, какъ вы проводите время въ деревнѣ? Вѣдь Марья Ѳедоровна не ходитъ здѣсь давать уроки музыки?

Варя. Нѣтъ, ей докторъ велѣлъ только деревенскимъ воздухомъ пользоваться. Вотъ затѣмъ крестный отецъ мой и далъ намъ даровую квартиру въ Архангельскомъ. Мама здѣсь иначе зарабатываетъ деньги. Она гладитъ тонкое бѣлье у дачниковъ и даже твой папа отдаетъ ей свои рубашки и твои вышитыя бѣлыя платья.

Нини. Какъ! Марья Ѳедоровна? она гладитъ наше бѣлье? Да какъ же это можно?

Бѣльская. Чего же ты испугалась? Мнѣ твой папа отлично платитъ за это. Онъ меня разъ засталъ за глаженьемъ, нашелъ, что я искуснѣе всѣхъ вашихъ прачекъ и приказалъ отсылать ко мнѣ все, что у васъ есть дорогаго и вышитаго.

Нини. А кто научилъ васъ этому искусству?

Бѣльская. Одна француженка, жившая у насъ на фабрикѣ. Да что я! ты посмотри, какъ Варя гладью шьетъ и строчитъ. Прелесть! она поставляетъ работы на лучшіе магазины.

Нини. Мнѣ никогда въ голову не могло придти, чтобы вы такъ нуждались!

Бѣльская. Бѣдность людямъ не въ укоръ, душа моя, особенно если кто бѣденъ не по своей винѣ. Мы потеряли все во время пожара фабрики, гдѣ отецъ Вари былъ директоромъ и этотъ случай свелъ его въ могилу. Послѣ его смерти намъ пришлось жить своими трудами. Но мы благодаримъ судьбу, что никѣмъ не обязываемся. Живемъ честно, хоть съ большими лишеніями.

Нини. Да, но вы вѣрно счастливѣе меня! Боже мой! мнѣ такъ скучно въ нашемъ богатомъ домѣ! Гувернантки такъ мнѣ надоѣли! мнѣ иногда хочется побѣгать въ полѣ, покататься въ лодкѣ — нельзя, говорятъ, загоришь, веснушки будутъ. Покричать, пошумѣть — ничего не позволяютъ, все неприлично. Папа платитъ огромныя деньги всѣмъ этимъ Fräulein, Miss, Mademoiselle, а онѣ обращаются со мной, какъ съ собаченкой. Каждая на свой ладъ муштруетъ. Рядятъ въ кружева, а ласковаго слова не скажутъ. То ли дѣло было при мамѣ! и не такъ богаты мы были, и не такъ скучно казалось мнѣ въ домѣ. Боже мой! лучше бы я родилась въ бѣдной семьѣ и трудилась, какъ вы и Варя!

Варя. А ты думаешь, Ниночка, что легко трудиться? Попробовала бы ты по солнцу въ самый полдень нести корзину съ бѣльемъ черезъ весь паркъ, какъ это сдѣлала сегодня мама! Ты привыкла разъѣзжать въ покойной колескѣ, обѣдъ тебѣ подаютъ готовый, вкусный; платья приносятъ уже сшитыя. А мы съ мамой иногда цѣлый день питаемся од-

*

нимъ цикорнымъ кофе да картофелемъ, особенно, когда Алеша жалованья не получалъ, а у мамѣ уроковъ мало было. А одѣться-то, сшить себѣ бѣлье? Мы все должны были дѣлать своими руками! Нѣтъ, Ниночка, намъ теперь только полегче стало. Трудиться очень тяжело, за то сладко ѣсть хлѣбъ, заработанный трудами.

Нини. Что ни говори, а я никогда такъ хорошо не завтракала, какъ сегодня. Я слышала какъ дома, моя нѣмка (она прежадная, надо тебѣ сказать) справлялась у дворецкаго, что́ у насъ будетъ за завтракомъ. Онъ ей перечелъ такія мудреныя названія, что мнѣ ихъ и не вспомнить. Желаю ей хорошаго аппетита, а я ужь не дотронусь ни до чего. (*гувернантка, напьвшись вишень, начинаетъ собираться домой*).

Нини. Марья Ѳедоровна! Не забудьте же вѣнокъ.

Бѣльская. Нѣтъ, нѣтъ, я его съ Варей пришлю.

Нини. Пожалуйста! Варя, а ты мое платье посмотришь, говорятъ, дорого заплачено, все шитое (*онѣ прощаются и Нини уходитъ съ гувернанткой*).

СЦЕНА 4-я.

Мать и Варя.

(Обѣ садятся за работу. Варя за пяльцы).

Мать. Славная дѣвочка Нини, жаль только, что гувернантки портятъ ея характеръ: то льстятъ, то бранятъ безъ толку. А золотое у нея сердце!

Варя! Ахъ, мама! какъ мнѣ стыдно, что я ей завидовала!

Мать. Какъ? Неужели, Варенька, ты ей завидовала? Въ чемъ же?

Варя. Да во всемъ. Бывало вечеромъ въ паркѣ идемъ мы съ тобой, гдѣ нибудь по аллеѣ, бѣдно одѣтыя, пѣшкомъ, а Нини нарядная, веселая, ѣдетъ въ богатой колескѣ съ отцомъ, грумъ на козлахъ, лошади дорогія! Или помнишь, въ тотъ вечеръ, когда у насъ въ домѣ не было денегъ, чтобы заплатить мяснику, а тебѣ докторъ прописалъ ежедневно пить бульонъ; ты отпустила меня въ паркъ съ Алешей, а у Нининаго отца былъ концертъ. Я такъ плакала, когда мы проходили мимо ихъ освѣщеннаго дома, и видѣла какъ тамъ ходятъ разряженные гости, играетъ музыка. Мнѣ такъ жаль стало и тебя, и себя, и Алешу!

Мать (*улыбаясь*). Чтожъ? Ты находишь, что Нини счастливѣе насъ?

Варя. Нѣтъ! но... мнѣ казалось, отчего бы Богу не послать намъ хоть часть богатства Дрейшоса, хоть бы ты отдохнула!..

Мать. Другъ мой! Вѣрь, что всякое испытаніе дается человѣку для его же пользы. Будь живъ вашъ отецъ, имѣй мы прежнія средства, мы не могли бы испытать своихъ силъ, какъ теперь. Посмотри, что для насъ Алеша? Вѣдь ему всего 18-й годъ, а онъ полезенъ также, какъ взрослый. Его хозяинъ говорилъ мнѣ на дняхъ, что черезъ годъ его сдѣлаютъ машинистомъ, съ жалованьемъ въ 300 руб. въ годъ. Тебя Стрекалова давно имѣетъ въ виду для заказныхъ работъ. Значитъ, мы будемъ почти обезпечены. А развѣ мы дома несчастны? Бѣдность людямъ не въ укоръ, Варя, повторяю тебѣ, трудиться нужно, трудъ — капиталъ самый вѣрный.

Варя. Мамочка! Я и говорю, что мнѣ совѣстно, зачѣмъ я завидовала Нини. Она, какъ видно, далеко не такъ счастлива, какъ я воображала!

СЦЕНА 5-я и ПОСЛѢДНЯЯ.

Тѣже и Алеша (*вбѣгаетъ блѣдный, испуганный*).

Алеша. Слышали вы, что случилось?

Мать и Варя (*въ одинъ голосъ*). Что́ такое, что такое?

Алеша. Съ Дрейшосомъ сдѣлался ударъ въ Москвѣ, а его кредиторы налетѣли сюда

какъ коршуны; въ домѣ гвалтъ... шумъ... я едва добился тамъ толку. Искалъ вездѣ Ниночку, говорятъ, она заперлась въ кабинетѣ отца и рыдаетъ тамъ одна. Бѣгите къ ней, Бога ради, ее всѣ бросили!..

Бѣльская (*вскакивая и бросаясь одѣваться*). Господи, спаси ее! что съ нею будетъ. Варя, скорѣе! скорѣе къ ней!..

Варя (*плачетъ*). Бѣдная, бѣдная Нини!..

Занавѣсъ падаетъ.

Е. С—ва.

ПЧЕЛЫ.

Пчелы очень полезныя и, по своей жизни, весьма интересныя насѣкомыя; ихъ жизнь очень любопытна и занимала естествоиспытателей всѣхъ временъ. Пчелы, какъ и многія другія насѣкомыя, какъ напримѣръ, осы и шмели, живутъ большими семьями, въ нѣсколько тысячъ; эти семьи называются роями. Все свое счастіе пчелы основываютъ на взаимной любви, на трудѣ, всѣ стремятся къ одной цѣли,— къ благу своего пчелинаго общества. Въ дикомъ состояніи, онѣ живутъ въ разсѣлинахъ горъ, въ дуплахъ деревьевъ, вблизи луговъ, покрытыхъ въ изобиліи цвѣтами, но всего охотнѣе въ лѣсахъ и кустарникахъ; однимъ словомъ, избираютъ такія мѣста, гдѣ имъ представляется болѣе всего пищи и менѣе опасности отъ непріятныхъ сосѣдей и разныхъ другихъ неудобствъ. Человѣкъ, для своей выгоды, устроиваетъ для пчелъ особый родъ жилищъ, называемыхъ ульями.

Пчелы, принадлежащія къ одному рою, такъ хорошо знаютъ другъ друга, какъ знакомы между собою дѣти однихъ родителей. Для лучшаго и скораго исполненія своихъ работъ, пчелы раздѣлили между собою свои занятія. Тѣ изъ нихъ, которыя занимаются сборомъ сладкихъ соковъ (нектаръ) и цвѣточной пыли, выдѣлываютъ медъ и воскъ, смотрятъ за чистотою и порядкомъ въ ульѣ, называются рабочими пчелами. Самцы или трутни вовсе не работаютъ въ ульѣ, а матки или королевы хотя тоже не работаютъ, но приносятъ рою большую пользу размноженіемъ потомства. Всѣ эти пчелы отличаются нѣсколько другъ отъ друга. Если мы станемъ разсматривать тѣло пчелы, то увидимъ, что оно состоитъ изъ трехъ частей: головы, грудной части и брюшка или задней части. На головѣ находятся пять глазъ; съ каждой стороны головы помѣщается по большому сложному глазу, т. е. состоящему изъ тысячи микроскопическихъ глазъ, а три остальные глазка находятся на темени; они очень малы и плоски. Зрѣніе пчелъ такъ хорошо, что онѣ видятъ и ночью, въ чемъ убѣждаютъ насъ работы въ ульѣ, производимыя ими въ ночное время.

Вмѣсто зубовъ у пчелъ во рту находятся клешни, помѣщающіяся подъ верхнею губою. Клешни эти состоятъ изъ мягкой роговой массы и служатъ для разгрызанія твердыхъ тѣлъ, для обчищенія ульевъ отъ различныхъ нечистотъ, какъ напримѣръ, отъ труповъ павшихъ пчелъ, и ими пользуются пчелы, защищая себя въ борьбѣ съ насѣкомыми.

На нижней же губѣ лежатъ губныя щупальцы, которыми пчелы поддерживаютъ пищу.

За неимѣніемъ ушей и носа, ихъ голова снабжена двумя усиками, которые служатъ пчеламъ для обонянія и слуха. Говорятъ, что обоняніе пчелъ такъ хорошо, что онѣ за нѣсколько верстъ чувствуютъ, гдѣ могутъ получить для себя лучшую пищу, и вотъ причина, по которой мы нерѣдко видимъ, что пчелы не садятся на цвѣты, находящіеся недалеко отъ ихъ жилища, а улетаютъ искать добычи въ отдаленныя мѣста. За головою слѣдуетъ грудь, къ которой прикрѣпляются три пары ногъ; переднія двѣ ноги ко-

роче остальныхъ и такъ хорошо развиты, что вполнѣ замѣняютъ пчеламъ наши руки. Среднія ноги замѣтно длиннѣе переднихъ, а заднія длиннѣе среднихъ. Ноги пчелъ состоятъ изъ пяти частей. Первая ближайшая къ тѣлу часть очень коротка, потомъ слѣдуетъ бедро, гораздо длиннѣе, далѣе голень и пятка, и наконецъ лапки, которыя оканчиваются двумя когтями, отстоящими другъ отъ друга на нѣкоторомъ разстояніи; въ пространствѣ между ними находится небольшой шарикъ, на который пчелка упирается, когда отлетаетъ съ предметовъ, въ противномъ случаѣ, она легко могла бы зацѣпиться своими когтями и повиснуть за тотъ или другой ноготь. Шарикъ этотъ способствуетъ еще пчелкѣ бѣгать по очень гладкой поверхности, напримѣръ по стеклу. Бедро усажено щеточками (волосками) и имѣетъ углубленіе, называемое корзинкой; въ него-то пчелы набираютъ цвѣточную пыль, и приносятъ ее такимъ образомъ въ улей. Матки и трутни не имѣютъ корзинки, вслѣдствіе чего не могутъ собирать цвѣточной пыли. Какъ уже извѣстно, за грудью слѣдуетъ брюшко, заключающее въ себѣ два желудка: въ первомъ приготовляется медъ, а во второмъ воскъ. Брюшко состоитъ изъ шести колецъ; послѣднее кольцо образуетъ тупой хвостикъ. Изъ этихъ-то колецъ, переработанный внутри пчелокъ, воскъ выходитъ въ видѣ очень тонкихъ листиковъ, которые пчелки вытаскиваютъ ногами и съ помощію клешней обработываютъ воскъ и затѣмъ употребляютъ на постройку ячеекъ; медъ же изрыгается пчелками и идетъ на питаніе молодымъ, вновь вылупившимся пчеламъ, а также и королевамъ. Во рту у пчелъ находится тонкая трубочка, замѣняющая нашъ языкъ; ею пчелы слизываютъ и высасываютъ медовые соки съ цвѣтовъ. Крылья, служащія для летанія пчеламъ, прикрѣплены къ верхней сторонѣ груди. Если онѣ сложены вмѣстѣ, то представляются намъ только какъ два крыла; на самомъ же дѣлѣ ихъ четыре. Крылья покрыты, хотя рѣдкими, но жесткими волосами, и при томъ устроены такъ, что переднею парою крыльевъ, ударяя по воздуху, пчела заставляетъ его сгущаться, а въ тоже время заднею парою придаетъ своему полету желаемое направленіе. Все строеніе, которое дѣлаютъ пчелы, называется заносомъ и состоитъ изъ многихъ пластовъ, или сотовъ, или кусковъ вощинъ, назвать можно, какъ угодно, и эти соты прикрѣпляются къ верхней части улья. Можно бы подумать, что постройка эта виситъ въ воздухѣ и не имѣетъ должной прочности, но будучи скрѣплена пчелинымъ клеемъ во многихъ мѣстахъ, она не подвергается ни малѣйшей опасности. Соты идутъ паралельно одинъ другому, отвѣсно внизъ, въ разстояніи на полдюйма. Каждый сотъ имѣетъ въ толщину около дюйма, такъ что съ пустымъ пространствомъ, оставленнымъ послѣ каждаго сота, для прохода пчелъ, сотъ занимаетъ до полутора дюйма. Подобное разстояніе оставляется пчелами съ умысломъ, ибо при болѣе узкой постройкѣ, сохраняется тепло въ ульѣ и лучше согрѣваются яйца, для вывода молодыхъ пчелъ. Соты идутъ книзу до самаго дна, гдѣ однакоже оставляется небольшое пространство, для того, чтобы восковая моль не могла пробраться къ самымъ ячейкамъ. Моль эта заводится въ восковомъ сорѣ, образующемся при постройкѣ ячеекъ. Каждый восковой пластъ состоитъ изъ правильныхъ шестисторонніхъ ячеекъ, съ очень тонкими стѣнками, прилегающими другъ къ другу, подобно множеству шестигранныхъ столбиковъ или кристаловъ.

Нельзя предположить, что пчелы производятъ свою постройку наобумъ. Математикъ Кенигъ вычислилъ, что изъ множества различныхъ формъ, пчелы избрали для своихъ ячеекъ эту форму именно потому, что она требуетъ наименьшаго количества матеріала, такъ какъ стѣнки одной ячейки служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣнками другой. Однѣ ячейки назначаются для запаса меду и воску, другія для помѣщенія яицъ. Тѣ ячейки, кото-

рыя назначены для яицъ рабочихъ пчелъ, бываютъ поуже, для трутневыхъ нѣсколько больше, а козюлевскія ячейки имѣютъ совершенно особенную форму, въ видѣ дубоваго желудя и помѣщаются всегда по краямъ сотовъ. Вновь выстроенныя ячейки бываютъ бѣлаго цвѣта, и желтѣютъ уже впослѣдствіи, отъ дѣйствія воздуха и меда. Матка одна только способна класть яица, изъ которыхъ выходятъ рабочія, трутни и королевы; если же рабочія кладутъ яица, то изъ нихъ выходятъ только трутни. Королева пользуется любовью и уваженіемъ своихъ подчиненныхъ; отъ нея зависитъ спокойствіе и благосостояніе улья; только при ея присутствіи, работы идутъ съ успѣхомъ, пчелы бываютъ веселы и мужественно сопротивляются нападенію своихъ враговъ. Любовь къ королевѣ доказывается еще тѣмъ, что когда по недостатку пищи, пчелы должны были погибнуть съ голоду, онѣ великодушно отказывались отъ пищи, предоставляя ее на питаніе своей дорогой матери. Нѣсколько разъ находили несчастную королеву одну между сотами, тогда какъ на днѣ жилища лежали мертвыя пчелы, которыя, для ея спасенія, охотно пожертвовали своею жизнію.

Пчела.

Что матка одна управляетъ всѣмъ въ пчелиномъ обществѣ — это очевидно: безъ нея возникаетъ тотчасъ безпорядокъ тамъ, гдѣ прежде было благоустройство и чистота; осиротѣвшій рой представляетъ видъ ужаснаго горя и смятенія; въ немъ нѣтъ тогда той дѣятельности, того согласія, которое господствовало при ней; хищныя пчелы нападаютъ на улей, грабятъ ихъ медъ безъ малѣйшаго страха, а бѣдныя пчелки и не думаютъ защищаться: съ потерею своей дорогой родительницы, онѣ готовы лишиться всего, что имъ прежде было дорого и мило. Королева хотя и любитъ прогулку, но часто отказываетъ себѣ въ этомъ, изъ боязни, чтобы рой не осиротѣлъ безъ нея, такъ какъ матка при вылетѣ на воздухъ, на всякомъ шагу, можетъ встрѣтить опасность, которую онѣ замѣчаютъ прежде всѣхъ. Матка при этомъ начинаетъ бѣгать съ удивительною скоростью, съ явною заботливостью, которая доказываетъ материнское попеченіе о благѣ ея дѣтей. Вскорѣ послѣ тревоги, испуганныя пчелы толпою слѣдуютъ за нею, изъ боязни и привязанности къ своей родительницѣ: онѣ окружаютъ и успокоиваютъ ее, утѣшаютъ и ограждаютъ отъ всякаго несчастія.

Если, во время вылета, матка упадетъ въ траву или на землю, рабочія тотчасъ спѣшатъ къ ней на помощь, поддерживаютъ ослабѣвшую мать и всячески стараются вернуть ее въ жилище. Въ случаѣ удачи, въ ульѣ замѣтна бываетъ радость, подобно той, которая случается съ дѣтьми при возвращеніи домой ихъ папаши или мамаши, послѣ долгаго отсутствія. Матка по наружности мало отличается отъ рабочей пчелы. У матки заднія ноги желтоватаго цвѣта, а у рабочей — каріи, нижняя часть тѣла отливается нѣсколько золотымъ отливомъ. Крылья матки коротки, покрываютъ тѣло только до половины, что мѣшаетъ ей скоро летать, но въ замѣнъ этого она очень скоро бѣгаетъ. Извѣстно, что королева не собираетъ медъ и цвѣточную пыль, а также не способна строить восковые соты; ея назначеніе въ ульѣ совсѣмъ другое: она смотритъ за прилежаніемъ работницъ и воодушевляетъ ихъ къ работѣ. Были примѣры, что собиралось нѣсколько тысячъ разныхъ пчелъ, но такъ какъ надъ ними не было управительницы, онѣ не предпринимали никакихъ работъ и

погибали. Въ свою очередь, рабочія платятъ маткѣ за всю ея любовь и заботы къ нимъ искреннею привязанностію и повиновеніемъ. Онѣ кормятъ ее, избирая ей въ пищу самый лучшій медъ, и если имъ случится вылить воскъ не вполнѣ переварившимся, то снова проглатываютъ его для лучшей переработки и, такимъ образомъ, предохраняютъ свою добрую мать отъ отравленія сырою пищею. Матка начинаетъ класть яица въ мартѣ и продолжаетъ до сентября мѣсяца, обыкновенно съ девяти часовъ утра и до полдня. Для наблюденія за всѣмъ, что происходитъ въ ульѣ, люди придумали устроить стеклянный улей, чрезъ который хорошо видны всѣ дѣйствія пчелъ. Матка не станетъ класть яица въ ячейки, въ которыхъ есть хоть малѣйшая соринка. Чтобы удостовѣриться, что ячейка чиста и достаточно прочна, матка, прежде чѣмъ положетъ яичко, всовываетъ голову въ ячейку, увлажаетъ ее клейкимъ веществомъ и затѣмъ повертывается и спускаетъ въ нее заднюю часть тѣла для того, чтобы положить яичко. Во время кладки яицъ, матка строго различаетъ ячейки. Яица рабочихъ пчелъ она помѣщаетъ въ ячейки, которыя поуже, трутневыя въ болѣе просторныя, а яица, назначенныя для вывода будущихъ королевъ, кладетъ въ самыя большія ячейки, лежащія по краямъ пластовъ. Вѣрная королевская стража, состоящая изъ рабочихъ, не оставляетъ матку ни на минуту и если по ошибкѣ ей случится положить яичко не въ должную ячейку, рабочія тотчасъ вынимаютъ его и перекладываютъ по назначенію.

Изъ всего сказаннаго видно, какою удивительною смышленостью, какою неутомимою дѣятельностью и любовью къ труду обладаютъ пчелы. Но не мало стоило и труда, чтобы узнать ихъ жизнь. Бывали примѣры, что пчеловоды посвящали всю свою жизнь единственно уходу и наблюденіямъ надъ этимъ интереснымъ насѣкомымъ. Яица, положенныя въ ячейки, прикрѣпляются къ нимъ посредствомъ клейкаго вещества. Онѣ бываютъ бѣлаго цвѣта, очень малы и круглы; къ концу третьяго дня изъ яица вылупляется пчелка, въ видѣ червячка, который, все время свернувшись, лежитъ на днѣ ячейки безъ движенія, такъ какъ у него нѣтъ ногъ. Тѣло его, за исключеніемъ головы, состоитъ изъ одинадцати колецъ. Рабочія пчелы по нѣскольку разъ въ день входятъ въ ячейку, остаются въ ней на нѣкоторое время, принося съ собою пищу молодымъ личинкамъ. Количество и качество пищи всегда соотвѣтствуетъ возрасту червячка. Такъ напримѣръ, въ началѣ онъ питается безвкуснымъ веществомъ, похожимъ болѣе на мучное тѣсто; а потомъ, при большемъ развитія личинки, пища эта переходитъ въ желтоватое, студенистое вещество, имѣющее вкусъ сахара съ примѣсью кислоты; будущихъ же королевъ кормятъ самою лучшею и обильною пищею. Когда червячекъ достигнетъ полнаго развитія, онъ развертывается, испускаетъ изъ себя родъ паутины, обматывается ею и остается въ такомъ состояніи до времени вылупленія и называется тогда куколкою.

Рабочія покрываютъ ячейку восковою пластинкою, крышечкою, и уже не приносятъ куколкѣ болѣе пищи. Образовавшаяся перепонка такъ тонка, что чрезъ нее легко замѣтить, какъ формируются три пары лапокъ на брюшкѣ куколки и усики явно обозначаются во всю свою длину; всѣ части тѣла, свойственныя пчелѣ, развиваются постепенно. Для полнаго вылупленія королевъ, нужно около 16 дней, для рабочихъ 20 и для трутней 24 дня. По истеченіи этого времени, молодыя пчелки, помощію своихъ клешней, разрываютъ окружающую ихъ перепонку, открываютъ ячейку и выходятъ изъ нея готовыми трудиться вмѣстѣ со своими сестрами, на пользу и благосостояніе своего общества *).

*) Вновь вылупившіяся пчелки бываютъ сѣраго цвѣта, который впослѣдствіи перемѣняется въ желтый; по немъ легко отличить молодыхъ пчелъ отъ старыхъ.

Если въ рою окажется нѣсколько матокъ, то пчелы выбираютъ между ними самую лучшую, а остальныхъ или выгоняютъ, или умерщвляютъ и вытаскиваютъ прочь изъ гнѣзда. Когда число жителей въ ульѣ увеличится до того, что тѣснота препятствуетъ имъ работать съ обыкновеннымъ прилежаніемъ, вновь вылупившіяся пчелки избираютъ себѣ матку, покидаютъ родину и улетаютъ искать болѣе удобнаго мѣста для жилища. Передъ вылетомъ роя изъ улья, происходитъ много любопытнаго. Пчелки берутъ съ собою на дорогу столько меду, сколько имъ нужно для своего прокормленія въ новоизбранномъ жилищѣ. Тѣ, которыя остаются на мѣстѣ, не отказываютъ своимъ улетающимъ сестрамъ въ необходимомъ запасѣ, хотя бы сами не имѣли его въ излишкѣ. Отдѣлившійся рой, избравъ мѣсто для своего помѣщенія, тотчасъ употребляетъ одну часть принесеннаго съ собою меду на построеніе сотовъ, а другая часть идетъ въ кормъ тѣмъ пчеламъ, которыя по своимъ занятіямъ въ ульѣ не могутъ летать въ поле.

Вскорѣ послѣ перваго обзаведенія въ ульѣ, пчелы разставляютъ у входа въ ихъ жилище караульныхъ, состоящихъ изъ рабочихъ, которые зорко стерегутъ домъ отъ нападенія насѣкомыхъ и въ случаѣ грабежа запасовъ, храбро защищаются. Съ необыкновеннымъ усердіемъ и ловкостью, отъ восхожденія до заката солнца, добрыя работницы летаютъ собирать нектаръ и цвѣточную пыль. Особенно если погода не надежна, дѣло у нихъ кипитъ еще скорѣе; большая часть изъ нихъ отправляется за сборомъ, что служитъ вѣрнымъ признакомъ ненастья. Сгрузивъ ношу, безъ малѣйшаго отдыха, съ радостнымъ жужжаньемъ, рабочія снова пускаются въ путь и возвращаются съ запасомъ медовыхъ соковъ внутри и большимъ количествомъ цвѣточной пыли, покрывъ ею даже тѣло. Говорятъ, что пчелы знаютъ, что дождь смачиваетъ съ цвѣтовъ пыль, а солнечный зной засушиваетъ медовую жидкость, вслѣдствіе чего удвоиваютъ свои усилія. Если непогода застигнетъ работницъ далеко отъ ихъ убѣжища, то онѣ прячутся подъ листья, или другое какое нибудь прикрытіе; но коль скоро опасность минетъ, спѣшатъ возвратиться домой. Любовь къ родному гнѣзду, желаніе увидѣть скорѣе оставленную мать живою и здоровою, влечетъ пчелъ въ улей.

Если на обратномъ пути, заблудившіяся пчелы не могутъ найдти свое жилище, онѣ жалобно жужжатъ, какъ бы прося помощи. Стража, поставленная при входѣ въ улей, услышавъ голосъ своихъ сестеръ, разбѣгаются по поверхности улья, производятъ шумъ, желая указать дорогу уставшимъ путницамъ. Полагаютъ, что пчеламъ извѣстно дѣйствіе теплоты.

Изъ предосторожности, чтобы соты, наполненныя медомъ и размягченныя жаромъ, не обрушились бы и своею тяжестью не задавили бы жителей улья, пчелы вбираютъ въ себя, какъ можно больше меду, выносятъ его и обмазываютъ имъ наружныя части улья; а другія пчелки въ тоже время производятъ своими крылышками вѣтеръ въ ульѣ, для уменьшенія вреднаго жара. Нельзя точно опредѣлить, какъ долго продолжается жизнь пчелъ; вообще полагаютъ, что онѣ не умираютъ до тѣхъ поръ, пока не истощатся ихъ силы. Въ зимнее время, рабочая пчела не работаетъ, находится въ покоѣ; она по видимому вовсе не старится, и если умираетъ, то совсѣмъ по другимъ причинамъ. Чѣмъ болѣе мнутся и обсѣкаются ея крылья, что бываетъ чаще всего, при летаніи чрезъ хлѣбныя растенія, тѣмъ скорѣе теряетъ пчелка способность летать, и умираетъ. Замѣчательно, что только однѣ рабочія жалятъ людей и животныхъ; матка же употребляетъ жало, какъ орудіе, для защиты себя во время нападенія враговъ. При ужаленіи должно обращать вниманіе, чтобы жало не оставалось въ тѣлѣ, въ противномъ случаѣ можетъ сдѣлаться воспаленіе. Пчела вонзивъ жало въ тѣло, напрасно старается вытащить его. За-

зубренки, находящіяся на его концѣ, препятствуютъ пчелѣ выдернуть его назадъ, вслѣдствіе чего жало отрывается, а пчела умираетъ. При ужаленіи надо какъ можно скорѣе вынуть жало, если же это не удастся, то слѣдуетъ сжать покрѣпче ужаленное мѣсто, начать прикладывать къ нему землю, дернъ, металлы, а также не дурно поливать его водою и натирать уксусомъ.

При наступленіи болѣе холодныхъ дней, рабочія замазываютъ всѣ щели и отверстія въ ульѣ, для избѣжанія нападенія непріятелей, а также изгоняютъ трутней, такъ какъ они не работаютъ, а питаются самымъ хорошимъ медомъ. Природа не дала трутнямъ ни корзинки, въ которой можно было бы носить цвѣточную пыль, ни жала для защиты. Боковые глаза ихъ гораздо больше, чѣмъ у рабочей пчелы, такъ что они сходятся между собою сверху на задней части головы. Ихъ сильныя крылья даютъ имъ возможность летать продолжительнѣе рабочихъ, и во время летанія производить ими сильное жужжаніе, чѣмъ ихъ легко можно отличать отъ рабочихъ. Жизнь трутней продолжается рѣдко болѣе шести мѣсяцевъ и то если они выведены весною; если же выведены осенью, то живутъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ. Для того, чтобы выгнать трутней изъ жилища, хитрыя рабочія придумали слѣдующій способъ. Прежде всего онѣ не позволяютъ самцамъ питаться медомъ, голодныхъ прогоняютъ на нижніе, пустые пласты и учреждаютъ за ними присмотръ, чтобы трутни не могли питаться находящимися въ ульѣ запасами. Такимъ образомъ морятъ ихъ голодомъ, а изнуренныхъ легко изгоняютъ изъ жилища. Трутни дѣлаются добычей птицъ, или гибнутъ съ голоду и холоду; матка же съ рабочими зимуютъ въ ульѣ и согрѣваются, вслѣдствіе густаго населенія. Бѣдныя пчелки! Сколько заботы и труда употребляютъ онѣ при сборѣ медовыхъ соковъ, сколькимъ опасностямъ и лишеніямъ подвергаютъ себя, и что же получаютъ въ награду за всю свою пользу, приносимую людямъ? Больше всѣхъ трудомъ пчелъ пользуется человѣкъ; но есть животныя, птицы и насѣкомыя, которыя тоже не прочь полакомиться такимъ вкуснымъ кушаньемъ, какъ медъ. Непріятели нападаютъ на пчелокъ, тревожатъ ихъ не только въ ульѣ, но и во время ихъ неутомимой работы, во время сбора меда, отнимая добычу. Завидя дерзкаго непріятеля въ ульѣ, пчелы немедленно бросаются на него, жалятъ до смерти и затѣмъ своими щупальцами уносятъ его прочь изъ улья. Если имъ нельзя поступить такимъ образомъ, онѣ прибѣгаютъ къ иному средству, которое служитъ доказательствомъ ихъ смышлености. Разсказываютъ, однажды, одна неосторожная улитка вошла въ улей. Пчелы тотчасъ же бросились на нее и ужалили. Во избѣжаніе гніенія отъ трупа, которое могло распространиться по всему улью и произвести между пчелами страшную болѣзнь, извѣстную подъ именемъ гнильца, пчелы хотѣли вынести улитку изъ жилища, но всѣ ихъ старанія поднять ее остались тщетными. Что дѣлать? Какъ преодолѣть затрудненіе? Пчелы нашли однакоже исходъ, прибѣгли къ клею, залѣпили имъ тѣло своего врага, наподобіе бальзамированной муміи и предотвратили такимъ образомъ зло, которое могло повредить ихъ благосостоянію. Клей, о которомъ сказано, пчелы собираютъ на деревьяхъ, и, какъ думаютъ, преимущественно на тополяхъ, березахъ и пихтахъ. Его пчелы употребляютъ также для скрѣпленія своей постройки. Изъ животныхъ большой любитель меда—медвѣдь. Чтобы достать его изъ улья, онъ прибѣгаетъ къ разнаго рода продѣлкамъ. Крысы и мыши наносятъ вредъ пчелиному обществу, особенно зимою, при сохраненіи пчелъ въ погребахъ и подвалахъ; проникая же въ улья, распоряжаются тамъ какъ имъ вздумается: грызутъ и пачкаютъ работу, съѣдаютъ медъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распространяютъ въ ульѣ очень непріятный запахъ. Грызя и царапая улья снаружи, однимъ этимъ шумомъ безпокоятъ мир-

ную семью пчелъ, не говоря уже объ дракѣ и пискотнѣ около улья. Изъ птицъ воробьи, ласточки, зяблики, синицы и домашнія куры и индѣйки вредятъ бѣднымъ пчелкамъ. Чтобы избѣгнуть ихъ нападенія, пчеловодъ привѣшиваетъ къ улью кусокъ красной матеріи, цвѣтъ которой пугаетъ птицъ. Иногда ставятъ чучелъ, что также способствуетъ къ удаленію птицъ. Изъ насѣкомыхъ муравьи нападаютъ на улей, заползаютъ въ него черезъ отверстіе и щели, крадутъ медъ и уносятъ его. Но пчелы не отдаютъ его безъ боя; онѣ схватываютъ муравьевъ, вцѣпляются въ нихъ, уносятъ въ воздухъ, гдѣ вмѣстѣ и погибаютъ.

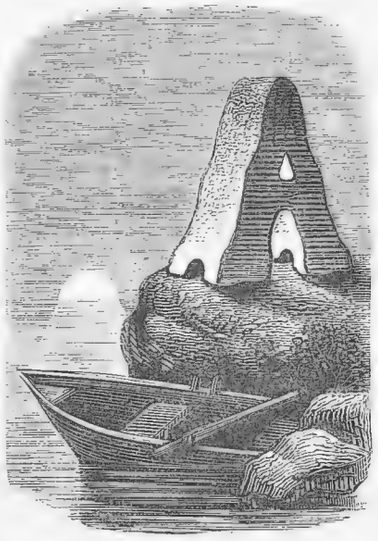
Осы и шмели грабятъ бѣдняжекъ работницъ въ то время, когда онѣ несутъ добычу, заставляя ихъ отдать имъ то, что пчеламъ стоило большаго труда. Но всѣ эти нападенія возможно нѣсколько отстранить; гораздо пагубнѣе дѣйствуетъ на нихъ дурная погода, которая уничтожаетъ пчелъ цѣлыми тысячами. Особенно вреденъ для пчелъ сильный морозъ съ острымъ вѣтромъ; бѣлизна снѣга ихъ ослѣпляетъ. Желая летѣть противъ солнца, пчелы падаютъ прямо въ снѣгъ, гдѣ онѣ и застываютъ; солнце и ясная погода располагаютъ ихъ къ полету, но какъ только покажутся облака, пчелы падаютъ на землю и гибнутъ во множествѣ.

Е. Суворова.

ВЪ ЧЕМЪ ГЕРОЙСТВО?

(*Продолженіе*).

ГЛАВА XVI.



ртура окружили. Докторъ, осмотрѣвъ его рану, объявилъ, что хотя она и опасна, но не смертельна. Онъ занялся перевязкою, чтобы остановить кровь, такъ какъ вынуть пулю на мѣстѣ поединка нельзя было: для этого требовалось спокойное положеніе паціента. Артуръ былъ въ полной памяти и настаивалъ, чтобы операцію произвели на кораблѣ, разстояніе отъ котораго было ближе чѣмъ отъ города, и при томъ тамъ находился корабельный докторъ, къ которому Артуръ имѣлъ большое довѣріе. Къ тому же боль въ ранѣ усилилась, такъ что докторъ, замѣтивъ это, совѣтовалъ безотлагательно везти больнаго на корабль. Устроивъ на днѣ лодки нѣчто въ родѣ постели, положили на нее Артура, и Руссо направилъ лодку къ кораблю.

Когда лодка подъѣхала къ судну, Артуръ былъ почти безъ чувствъ; лицо его было совершенно блѣдно, а глаза закрыты. Въ это время на палубу всходилъ Фридрихъ Стэнли. Видя Артура въ такомъ положеніи, онъ подумалъ, что Артуръ мертвъ и его это такъ поразило, что онъ не могъ ничего проговорить.

— Не бойтесь, не бойтесь, Стэнли! закричалъ Руссо, онъ только раненъ; докторъ

*

увѣряетъ, что жизнь его внѣ всякой опасности.

— Слава Богу! прошепталъ наконецъ Фридрихъ и, не задавая никакихъ вопросовъ, принялся ухаживать за своимъ другомъ.

Артуръ Мэсонъ былъ любимцемъ всего экипажа:—капитанъ отвелъ для него одну изъ своихъ комнатъ и не было ни одного офицера, который не готовъ былъ бы хоть что нибудь сдѣлать для больнаго, Артуръ былъ раненъ въ бокъ и у него было перебито ребро. Операція была трудная—онъ два раза лишался чувствъ; докторъ, по окончаніи операціи, попросилъ оставить больнаго въ покоѣ, даже не входить къ нему въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

— Съ кѣмъ стрѣлялся Артуръ? спросилъ Стэнли у Руссо по выходѣ изъ каюты.

— Съ Грэнби, капитаномъ британской арміи, отвѣчалъ тотъ, и разсказалъ, все что мы уже знаемъ изъ предъидущихъ главъ.

Послѣ операціи Артуръ долго не приходилъ въ себя, съ нимъ сдѣлалась горячка, такъ что его жизнь подвергалась опасности. Чрезъ недѣлю однако послѣдовалъ благополучный для больнаго кризисъ и Артуру оставалось только перенести непріятное положеніе выздоравливающаго, запертаго въ четырехъ стѣнахъ. Рана, какъ мы уже сказали, не представляла никакой опасности. Докторъ объявилъ объ этомъ Фридриху, причемъ прибавилъ, что рана заставитъ его промучиться нѣсколько лѣтъ, потому что жаркій климатъ очень вреденъ для него. Если бы онъ могъ пробыть лѣтніе мѣсяцы дома, то избавился бы отъ этого.

— Какимъ же образомъ можетъ онъ пуститься въ путь? спросилъ Фридрихъ.

— Онъ можетъ доѣхать до своего города по водѣ.

— Однако его нельзя одного отправить?

— Это такъ; я увѣренъ, что капитанъ дастъ вамъ отпускъ, чтобы ему сопутствовать; пусть только васъ отпустятъ, а тамъ я попрошу моего друга въ Вашингтонѣ похлопотать объ отсрочкѣ отпуска, если вы этого пожелаете, или же о назначеніи васъ на другой корабль.

Фридрихъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, отвѣтилъ:

— Я поговорю съ капитаномъ.

Капитанъ тотчасъ же согласился выхлопотать отпускъ Артуру и Фридриху, тѣмъ болѣе, что на его кораблѣ было болѣе положеннаго числа гардемариновъ.

— Я совѣтовалъ бы вамъ не брать продолжительнаго отпуска, потому что по всѣмъ признакамъ у насъ скоро откроется война съ Джонъ-Булемъ (съ Англіею) — сказалъ капитанъ Фрядриху. — И хотя нѣтъ основаній думать, что мы побѣдимъ его на морѣ, все-таки не уступимъ ему черезъ-чуръ легко. Между тѣмъ стычка съ непріятелемъ подвинетъ васъ скорѣе въ повышеніи, чѣмъ цѣлые годы обыкновенной службы.

Когда Артуръ услышалъ отъ доктора, что ему необходимо, для окончательнаго выздоровленія, отправиться домой, онъ рѣшительно воспротивился этому.

— Мнѣ совсѣмъ не нужно ѣхать домой, говорилъ онъ; я совсѣмъ здоровъ, — какъ только мы выйдемъ въ море, я окончательно окрѣпну.

Капитанъ узналъ, что Артуръ не соглашается ѣхать въ отпускъ, и сказалъ:

— Ну что же! онъ скоро будетъ имѣть случай испробовать дѣйствіе морскаго воздуха, такъ какъ мы черезъ два дня снимаемся съ якоря; тогда онъ узнаетъ, вѣрно ли его заключеніе, и, если почувствуетъ себя хуже, то вѣроятно съ охотою вернется домой. Мы можемъ его пересадить на какое нибудь возвращающееся торговое судно.

Фридрихъ, имѣя два дня свободныхъ, хотѣлъ навѣстить Манверсовъ; онъ зналъ, что самъ Манверсъ уже уѣхалъ въ Вашингтонъ, ему хотѣлось видѣть старушку Делане и миссъ Еллу. Но прежде, чѣмъ онъ отправился въ Лорель-Гровъ, къ Артуру пришло письмо отъ Манверса.

— Манверсъ пишетъ, сказалъ Артуръ,— что онъ слышалъ отрывочный разсказъ о моемъ глупомъ дѣлѣ, и думаетъ, что я дрался за него. Прочитайте-ка это письмо, въ которомъ есть нѣсколько строкъ, адресованныхъ къ вамъ. Вы увидите,—прибавилъ онъ съ улыбкой, что Манверсъ болѣе благодаренъ за мнимую даже защиту, чѣмъ другой мой другъ за дѣйствительную.

— Да я и не могъ вамъ быть благодаренъ за то, что вы подвергали опасности вашу жизнь, которая гораздо болѣе пострадала отъ выстрѣла Грэнби, чѣмъ моя отъ ложныхъ словъ, сказанныхъ этимъ негодяемъ.

Въ письмѣ дѣйствительно заключались самыя горячія похвалы Артуру за его храбрость, и благодарность за то, что онъ защитилъ честь отсутствовавшаго друга; въ концѣ была приписка къ Фридриху:

„Скажите Стэнли, что мое мнѣніе насчетъ того предмета, о которомъ мы говорили при послѣднемъ свиданіи, много измѣнилось съ тѣхъ поръ. Я прошу его отказаться отъ всякой мысли, касающейся этого".

Прочитавъ эти строки, Фридрихъ молча поглядѣлъ на письмо и затѣмъ, отдавъ его Артуру, всталъ и вышелъ изъ каюты. Единственное обстоятельство, въ которомъ молодые люди скрывались другъ предъ другомъ, было ихъ чувство къ Еллѣ Манверсъ.

Долго думалъ Фридрихъ, гуляя взадъ и впередъ по палубѣ, о причинахъ отказа г. Манверса и наконецъ пришелъ къ тому заключенію, что человѣкъ, передавшій Манверсу не вѣрное извѣстіе о причинѣ поединка Артура, точно также могъ насказать и на него,—„вѣроятно ничего этого не было бы, еслибы Артуръ не вздумалъ меня защищать, подумалъ Фридрихъ. Вотъ еще польза, принесенная этимъ поединкомъ!"

Положеніе бѣднаго юноши дѣйствительно было невыносимо:—онъ находился вдали отъ того, передъ которымъ его оклеветали. Еслибы на его мѣстѣ былъ человѣкъ хладнокровный, равнодушный, то онъ утѣшилъ бы себя тѣмъ, что правда рано или поздно откроется и Манверсъ перемѣнитъ свое мнѣніе. Но пылкая натура Фридриха не могла удовлетвориться этимъ. Не смотря на то, что онъ всегда былъ одаренъ способностью самообладанія, тутъ онъ потерялъ всякую власть надъ собою и выходилъ изъ себя при одной мысли, что онъ оклеветанъ и что Елла можетъ также повѣрить клеветѣ. Съ грустью посмотрѣлъ онъ по направленію къ Лорель-Грову; вдругъ лицо его просвѣтлѣло и онъ чуть не вслухъ сказалъ: „почему же не повидаться мнѣ съ мистрисъ Делане и не объяснить ей всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла? Она навѣрно скорѣе меня увидится съ Манверсомъ и разубѣдитъ его." Тотчасъ же побѣжалъ онъ къ капитану и испросилъ позволеніе отправиться въ Лорель-Гровъ. Переправившись въ городъ, онъ досталъ лошадь и быстро поскакалъ туда. Необыкновенная тишина господствовала около дома; день былъ теплый; всѣ окна были открыты, но никто не показывался въ нихъ. Фридрихъ позвонилъ. Слуга, отворившій дверь, показался ему такимъ мрачнымъ, что Фридрихъ поспѣшно спросилъ: „что случилось?"

— Наша старая госпожа слегла въ постель и докторъ боится, что она не встанетъ.

— А миссъ Елла?

— Здорова, сэръ; но очень огорчена.

Все это поразило и раздосадовало Фридриха.

— Кто находится при больной? спросилъ онъ.

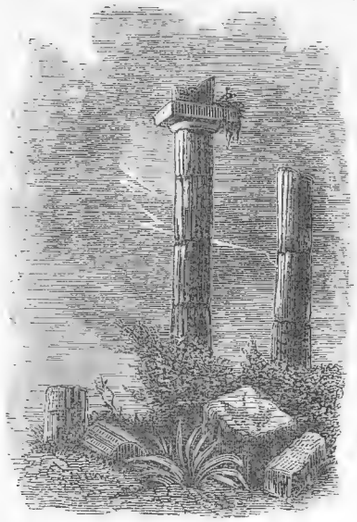
— Или мистрисъ Котонъ, или миссъ Мери, и докторъ, который не выѣзжаетъ изъ дома, сэръ.

Фридрихъ стоялъ въ нерѣшимости, не зная что дѣлать; онъ не могъ просить о свиданіи съ Еллой и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣлъ силъ удалиться, не высказавъ ей своихъ чувствъ; наконецъ онъ рѣшился оставить записку. Когда онъ сѣлъ, чтобы написать ее, мысли его совершенно спутались: онъ боялся сказать слишкомъ много или слишкомъ мало;

кончилось тѣмъ, что онъ написалъ карандашемъ на визитной карточкѣ „мы завтра выходимъ въ море и я не могъ уѣхать, не высказавъ моего глубокаго сожалѣнія о болѣзни вашей доброй бабушки. Я прошу, передайте ей это, если ее не обезпокоитъ, и вѣрьте, что я буду постоянно думать о васъ и горячо молиться о вашемъ благополучіи".

Онъ вернулся на корабль такой же печальный, какъ и прежде, но онъ уже не негодовалъ: теперь ему грустно было не за себя, а за Еллу.

ГЛАВА XVII.



а слѣдующій день бригъ снялся съ якоря и Артуръ Мэсонъ, смотря изъ окошка каюты на воду, съ восторгомъ воскликнулъ: „теперь я опять буду здоровъ!"

Но прошла цѣлая недѣля, а его пульсъ бился все также медленно и голова также болѣла какъ и прежде. Артуръ, обманувшійся въ надеждѣ на выздоровленіе, не глядѣлъ уже болѣе на волны, потерявшія въ его глазахъ всю свою прелесть; онъ сталъ все чаще и чаще задумываться о зеленыхъ лугахъ и рощахъ своей родины, о ласкахъ своей матери, которыя навѣрное успокоили бы его страданія.—Все это повело къ тому, что скоро онъ рѣшилъ возвратиться съ Фридрихомъ на берегъ и сталъ дожидаться корабля, на которомъ имъ можно было бы добраться до одного изъ сѣверныхъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ.

Цѣль плаванія брига, на которомъ были наши друзья, состояла въ томъ, чтобы оказывать покровительство американской торговлѣ, которая очень страдала отъ разбойничьихъ кораблей, называемыхъ крейсерами. Въ то время крейсеры, находясь предъ начальствомъ знаменитаго Лафита, пріобрѣли особенную силу и сдѣлались чрезвычайно дерзки. Для выполненія своей цѣли, бригъ прежде всего объѣхалъ вокругъ Весть-Индіи, останавливаясь на нѣкоторыхъ островахъ; потомъ онъ поплылъ на западъ, держась какъ можно ближе къ берегамъ и внимательно осматривая всѣ ихъ извилины, служившія засадою для крейсерскихъ судовъ. Лафитъ, не смотря на увѣренія въ своей дружбѣ къ американскому правительству, позволялъ пиратамъ обращаться съ американскими судами такъ же, какъ и со всѣми другими.

Однажды рано утромъ, замѣтили съ брига, находящагося недалеко отъ острова Барраторія, судно, паруса котораго были спущены. Видъ судна былъ очень подозрителенъ, и капитанъ рѣшилъ подойти къ нему на разстояніе выстрѣла, чтобы разузнать къ какому разряду оно принадлежитъ.—По мѣрѣ того, какъ бригъ приближался, подозрѣнія капитана и экипажа начали по немногу проходить, такъ какъ завидѣнное судно оказалось не вооруженнымъ и на немъ замѣтны были даже женщины.

— Стэнли, замѣтилъ одинъ изъ гардемариновъ. Это торговое судно, вы можете пересѣсть на него.

— Да, это было бы не дурно, отвѣчалъ Фридрихъ.

— Я не могу понять, зачѣмъ оно здѣсь; но я убѣжденъ, что это торговое судно, — сказалъ капитанъ и тотчасъ же приказалъ спустить лодку.

Услыхавъ приказаніе, Фридрихъ подошелъ къ нему и попросилъ позволенія отправиться къ судну, чтобъ удостовѣриться въ его назначеніи и осмотрѣть удобства, которыя оно могло доставить его другу въ случаѣ,

еслибы оно оказалось коммерческимъ. Капитанъ подумалъ съ минуту, бросилъ еще взглядъ на иностранный корабль и потомъ сказалъ: „чтожъ, отправляйтесь; мнѣ кажется, что оно не изъ таковскихъ, чтобы дать намъ работу, а скорѣе послужитъ вамъ къ возвращенію. Возьмите лодку подъ свое командованіе.“

Лодка была спущена и Фридрихъ отправился.

— Нашихъ встрѣчаютъ, какъ знакомыхъ, сказалъ одинъ офицеръ, внимательно слѣдившій за всѣми движеніями на подозрительномъ суднѣ.

— Вотъ Стэнли подъѣхалъ къ кораблю, онъ взошелъ на палубу — объявлялъ онъ, продолжая глядѣть въ зрительную трубу. — Но что случилось? — воскликнулъ онъ, — Стэнли садится опять въ лодку и отъѣзжаетъ отъ судна, какъ будто всѣ пираты гонятся за нимъ?.. Но черезъ минуту офицеръ успокоился и объявилъ, что Фридрихъ объѣзжаетъ только съ другой стороны.

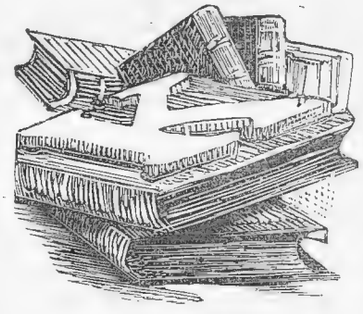
— Для чего бы это? недоумѣвали его товарищи. Въ эту минуту они замѣтили, что съ судна также спускается шлюпка, долженствующая вѣроятно направиться къ бригу...

Судно, какъ и предполагали, было торговое, грузъ его состоялъ изъ ящиковъ съ деньгами, которые отправлялись изъ Новаго-Орлеана въ Балтимору; на суднѣ находились также и пассажиры. — О достоинствѣ груза вѣроятно было сообщено пиратамъ, потому что едва только вступило судно въ заливъ, какъ они окружили его и, не встрѣчая сильнаго сопротивленія, завладѣли имъ; послѣ этого пираты отправились на обыкновенное мѣсто своей стоянки, выгружая, по дорогѣ, всѣ деньги изъ мѣшковъ на палубу.

Надо замѣтить, что пираты и не думали обижать пассажировъ, которые не вмѣшивались въ ихъ распоряженія.

За часъ до того времени, какъ судно замѣчено было бригомъ, пираты бросили якорь и, видя вѣроятно, со своей стороны, приближеніе военнаго корабля, тотчасъ же начали перевозить грузъ на берегъ. Съ брига нельзя было замѣтить, изъ-за судна, движенія пиратскихъ лодокъ, и къ тому же поднялся густой туманъ, застилавшій собою окраины берега. Въ ту самую минуту, какъ Фридрихъ подъѣзжалъ къ судну съ одной стороны, съ другой отчаливала послѣдняя лодка пиратовъ, которые, видя его приближеніе и опасаясь преслѣдованія, схватили двухъ бывшихъ на суднѣ женщинъ и потащили ихъ, несмотря на крики и безсильную борьбу, съ собой на лодку. Женщины были: одна миссъ де-Вильяръ, хорошенькая дѣвушка изъ Нью-Орлеана, другая — Елла Манверсъ.

ГЛАВА XVIII.



акъ только Фридрихъ вбѣжалъ на палубу, до его слуха долетѣло извѣстіе, что Елла Манверсъ увезена пиратами. Не спрашивая болѣе ни о чемъ, онъ бросился обратно въ лодку и пустился въ погоню за только что отъѣхавшими разбойниками. Въ короткихъ словахъ объяснилъ онъ матросамъ о случившемся, при чемъ прибавилъ, что численность разбойниковъ не превышаетъ численности матросовъ, что они точно также въ открытой лодкѣ и потому борьба съ ними не трудна. Матросы тотчасъ же взялись за весла и стали грести изо всѣхъ силъ. Они стрѣлою пролетѣли вокругъ судна, и увидѣли пиратовъ; на кормѣ ихъ лодки были помѣщены обѣ женщины, вѣроятно для того, чтобы, въ случаѣ погони, отнять у гнавшихся всякое желаніе стрѣлять по нимъ. Пираты уже были на половинѣ дороги, но лодка ихъ была тя-

жело нагружена и они, разумѣется, не желали разстаться со своимъ драгоцѣннымъ грузомъ, вслѣдствіе этого-то и надѣялся Фридрихъ настичь ихъ, а затѣмъ онъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ.

Лодка летѣла подобно чайкѣ, но онъ все еще кричалъ: — „скорѣй, скорѣй! самая большая награда тому, кто будетъ грести сильнѣе!“

Настигая пиратовъ, Фридрихъ старался занять такое положеніе, которое дозволило бы стрѣлять по нимъ; но пираты это тотчасъ замѣтили и ловко избѣгали этого маневра.

Не смотря на это, преслѣдованіе не могло долго продолжаться: лодки все болѣе и болѣе сближались и Фридрихъ съ восторгомъ вскричалъ: „мы настигнемъ ихъ, настигнемъ!“

Старый матросъ, бывшій съ нимъ, вѣроятно болѣе опытный, чѣмъ остальные, замѣтилъ на это: — „мы идемъ слишкомъ близко къ берегу и не кажется ли вамъ страннымъ, что они не стрѣляютъ въ насъ?“

— Нѣтъ, нѣтъ! они боятся быть услышанными съ брига и привлечь оттуда на себя вниманіе; мы ихъ настигнемъ.

Къ тому же передъ ними тянулось широкою полосою болото, въ которое, по видимому, трудно было проѣхать; между тѣмъ лодка Фридриха была уже такъ близко, что онъ могъ различать граціозную фигуру и понуренную голову Еллы Манверсъ, видѣлъ энергическія движенія темнолицыхъ пиратовъ. Еще минута—и, съ помощью ловкаго поворота руля, онъ поровнялся съ ними; его рука протянулась, чтобы захватить непріятельскую лодку, какъ вдругъ она отъ него отшатнулась и пролетѣла въ фарватеръ болота, неприметный издали. „Назадъ! назадъ!“ закричалъ Фридрихъ, такъ какъ его лодка проскользнула мимо.

Пока Фридрихъ направлялъ свою лодку въ болотный фарватеръ, пираты уже успѣли скрыться изъ виду. Передъ Фридрихомъ былъ небольшой мысъ, густо поросшій деревьями. Быстро обогнувъ его, онъ увидѣлъ бухту и скоро киль его лодки врѣзался въ песчаный берегъ, на которомъ стояли пираты и ихъ прелестныя плѣнницы. Немного дальше стояло судно пиратовъ съ направленными ко входу въ фарватеръ пушками. Фридрихъ окинулъ все это однимъ взглядомъ.

Злая улыбка торжества показалась на лицахъ морскихъ разбойниковъ, тогда какъ матросы брига въ смущеніи понурили головы. Фридриху предстояло теперь выказать всю силу своей воли; онъ ни на минуту не потерялъ своего хладнокровія и пока пираты въ изумленіи оглядывали его, онъ быстро подошелъ къ одному изъ нихъ, казавшемуся начальникомъ и сказалъ:

„Я желаю видѣть г-на Лафита, я посланъ командиромъ военнаго брига Соединенныхъ Штатовъ “. Принявъ подобный образъ дѣйствій, Фридрихъ изъ плѣнника дѣлался парламентеромъ. Человѣкъ, къ которому онъ обратился, посмотрѣлъ сначала на то мѣсто, гдѣ стояло судно пиратовъ и затѣмъ уже почтительно отвѣтилъ: „Я провожу васъ къ капитану Лафиту, сэръ“. Фридрихъ бросилъ ободряющій взглядъ на Еллу и ея подругу. Елла узнала его по голосу: ея просвѣтлѣвшій взглядъ и улыбка показали, что въ ней проявилась надежда на спасеніе. Она невольно сдѣлала шагъ впередъ, но одинъ изъ пиратовъ протянулъ къ ней руку; Елла отступила и стояла все время неподвижно, не желая болѣе подвергаться грубому прикосновенію разбойника.

Не то было съ миссъ де-Вильяръ. Сначала, отъ испуга, она ничего не видѣла и не слышала; замѣтивъ же наконецъ Стэнли, она, прежде чѣмъ ее успѣли удержать, бросилась къ нему и обвила руками его шею.

— О, мистеръ Стэнли,— закричала она,— спасите насъ, спасите насъ!

Не успѣла она это проговорить, какъ нѣсколько пиратовъ грубо схватили ее и отвлекли отъ Фридриха, не смотря на ея плачъ и сопротивленіе.—Крики эти привлекли на

мѣсто произшествія самаго Лафита, который до того слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ изъ каюты своего судна.

Увидѣвъ на Стенли американскій мундиръ, Лафитъ нашелъ лучшимъ вмѣшаться въ борьбу испуганной дѣвушки съ пиратами.

Лафитъ, подвиги котораго молва сильно преувеличивала, былъ въ то время во всей славѣ и силѣ своего могущества. Наружность его еще болѣе способствовала къ распространенію ложной славы о немъ.

—Не тронь эту леди, Педро! — раздался голосъ съ „Бригантины“ (такъ называлось пиратское судно), который заставилъ содрогнуться всѣхъ присутствующихъ. Фридрихъ посмотрѣлъ по направленію голоса и увидѣлъ на палубѣ бригантины высокаго и статнаго человѣка съ прямою, гордою осанкою, въ красивыхъ чертахъ лица котораго выражался умъ и удальство; онъ былъ смуглъ, скорѣе вслѣдствіе вліянія солнца и моря, чѣмъ отъ природы.

Фридрихъ тотчасъ же догадался, кто былъ этотъ человѣкъ и, когда Лафитъ, спрыгнувъ съ палубы, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, онъ подошелъ къ нему безъ малѣйшаго страха и, снявъ шляпу, спросилъ: „капитанъ Лафитъ, я полагаю“?

Тотъ съ любезностью истиннаго джентельмена отдалъ поклонъ и въ свою очередь спросилъ:

— Офицеръ службы Соединенныхъ Штатовъ, какъ видно по мундиру, сэръ?

— Точно такъ, сэръ: съ брига Соединенныхъ Штатовъ; при этомъ Фридрихъ взглянулъ по направленію, гдѣ остановился его корабль.

— Я знаю объ этомъ, съ легкою улыбкою возразилъ Лафитъ, замѣтивъ этотъ взглядъ. Мнѣ извѣстна также цѣль вашего плаванія.

— Цѣль эта, капитанъ Лафитъ, защита американской собственности, которая подвергается опасности на водахъ этого моря и наказаніе тѣхъ, которые посягаютъ на нее.

Лафитъ отвѣтилъ на эти слова Фридриха поклономъ и за тѣмъ прибавилъ:

— Прежде всего позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ этимъ дамамъ, которыя слишкомъ долго лишены должнаго вниманія, съ нашей стороны.

Говоря это, Лафитъ вѣжливо обратился къ плѣнницамъ:

— Я надѣюсь, что вы извините, сударыни, тотъ грубый поступокъ, вслѣдствіе котораго вы противъ желанія сдѣлались моими гостями; повѣрьте, это было не по моему приказанію, но въ настоящемъ случаѣ я сознаю необходимость подобной предосторожности, такъ какъ она была внушена нѣкоторыми сомнѣніями насчетъ миролюбивыхъ намѣреній вашихъ друзей,—и при этомъ онъ посмотрѣлъ на Стэнли. Я надѣюсь однако, что васъ ничѣмъ не оскорбляли, прибавилъ онъ, если же я ошибаюсь—тутъ его голосъ сдѣлался суровъ—то укажите на оскорбителя и вы увидите, что онъ будетъ наказанъ.

Елла Манверсъ, видя, что Лафитъ ожидаетъ отвѣта, тихо отвѣчала: „другаго оскорбленія, кромѣ того, что насильно увезли насъ, не было“.

— Это, какъ я уже сказалъ, было необходимо, — быстро перебилъ ее начальникъ пиратовъ; но вы не подвергаетесь здѣсь никакой опасности, я увѣряю васъ, и можете вернуться съ мистеромъ Стэнли если въ его лодкѣ будетъ достаточно мѣста.

— Но прежде, чѣмъ мы уѣдемъ... началъ Фридрихъ...

— Прежде, чѣмъ вы уѣдете, — перебилъ его Лафитъ—я надѣюсь, что дамы и вы сами сдѣлаете мнѣ честь посѣщеніемъ моего жилища.

Внезапное отступленіе обѣихъ женщинъ показало ихъ нежеланіе принять приглашеніе; Фридрихъ тоже отказывался, но Лафитъ сказалъ:

— Съ вами, сэръ, я долженъ переговорить на единѣ, прежде чѣмъ мы разстанемся; что же касается до дамъ, то я полагаю,

что онѣ предпочтутъ идти съ нами, чѣмъ оставаться здѣсь.

Елла посмотрѣла на грубыя лица окружавшихъ ее и согласилась съ предложеніями Лафита; спутница ея вѣроятно и теперь ни за что не двинулась бы съ мѣста, еслибы Елла не взяла ее за руку и не повела съ собою.

Тогда Лафитъ обратился къ одному изъ своей шайки и сказалъ ему нѣсколько словъ, послѣ чего тотъ пошелъ въ лѣсъ; за нимъ послѣдовали Лафитъ, Фридрихъ и обѣ дамы.

Узкая тропинка, проходившая чрезъ лѣсъ, скоро вышла на довольно обширную поляну, на которой стоялъ домъ, окруженный большимъ фруктовымъ садомъ. Домъ былъ деревянный, въ два этажа, выстроенъ грубо и невыкрашенъ. Лафитъ пригласилъ гостей войти. Убранство дома не представляло, какъ всѣ думали, особаго великолѣпія: мебель была простая, грубой работы, и на полу не было ковровъ. Какъ скоро дамы усѣлись, Лафитъ вынулъ изъ кармана свистокъ и свиснулъ. Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ слуга съ подносомъ въ рукахъ, уставленнымъ разнаго рода винами, фруктами и закусками. Елла, не желая оскорбить хозяина, взяла апельсинъ. Фридрихъ, видя, что Лафитъ не начинаетъ объясненія, на которое пригласилъ его, прервалъ молчаніе и сказалъ:

— Я и такъ опоздалъ, капитанъ, и потому долженъ возвратиться на бригъ какъ можно скорѣе. Судно, съ котораго взяты эти лэди, американское, слѣдовательно, напавъ на него, вы оскорбили достоинство Соединенныхъ Штатовъ.

— На этотъ счетъ, сэръ, я знаю больше васъ,— судно было американское, его и не тронули; но задержали на столько, сколько было нужно, чтобы выгрузить бывшій на немъ испанскій грузъ.

— Но грузъ, находящійся на американскомъ суднѣ, долженъ быть признанъ за американскую собственность,— замѣтилъ Фридрихъ.

— Я мало знаю, и еще менѣе забочусь о международномъ правѣ, мистеръ Стэнли; мой законъ захватывать повсюду испанскую собственность. Впрочемъ, я объясню все это вашему капитану. Возьметесь ли вы доставить ему письмо, сэръ?

— Конечно, отвѣчалъ Фридрихъ.

Лафитъ тотчасъ же сѣлъ за столъ и началъ писать. Онъ скоро кончилъ и далъ Фридриху прочесть. Во время чтенія краска покрыла лицо Фридриха и онъ съ безпокойствомъ взглянулъ на Еллу. Онъ хотѣлъ возвратить письмо, но боялся, что изъ этого выйдутъ худыя послѣдствія для нея, однако, взглянувъ еще разъ на письмо, онъ рѣшился и, возвращая его, сказалъ:

— Я не намѣренъ передавать такого письма.

— А почему нѣтъ, сэръ?— и негодованіе засверкало въ глазахъ пирата.

— Потому что, сдѣлавъ это, я потеряю къ себѣ всякое уваженіе: вы должны сознаться, что одна только трусость можетъ заставить передать подобное письмо, а вы сами слишкомъ отважны, чтобы не презирать трусовъ.

— Но противъ чего же вы возстаете? спросилъ Лафитъ болѣе спокойно, потому что хладнокровіе гостя подѣйствовало на него.

— Противъ того,— сказалъ Фридрихъ,— что изъ вашего письма можно заключить, будто я одобряю вашъ поступокъ относительно испанскаго груза. Но, можетъ быть, вы безъ намѣренія употребили это выраженіе.

— О, разумѣется! я перемѣню его.

Лафитъ написалъ второе письмо, которое Фридрихъ взялъ и обѣщалъ передать тотчасъ же по пріѣздѣ на бригъ. Послѣ этого всѣ встали и Лафитъ пошелъ проводить своихъ гостей до бухты. Стэнли и его спутницы помѣстились въ лодкѣ, предводитель пиратовъ обратился къ Фридриху и сказалъ:

— Вы, можетъ быть, думаете, что открыли важный секретъ, узнавъ проходъ къ этому острову. Но, посмотрите, пушки съ бригантины охраняютъ его и кромѣ того

проходъ такъ узокъ, что нельзя пройти двумъ лодкамъ въ рядъ и я даже полагаю, что едва ли его можно найти безъ указанія людей съ нимъ хорошо знакомыхъ.

Видя, что все готово къ отплытію, Фридрихъ простился съ Лафитомъ, благодаря его за любезное гостепріимство. Лафитъ въ свою очередь высказалъ удовольствіе, что случай привелъ его познакомиться съ такимъ смѣлымъ и осторожнымъ молодымъ человѣкомъ.

— Не держите вы себя съ такимъ достоинствомъ, и я поступилъ бы иначе, — прибавилъ Лафитъ, и они дружески пожали другъ другу руку.

— Неужели вы не скажете ни одного добраго слова при прощаньи, лэди?— обратился къ дамамъ Лафитъ, видя, что онѣ молчатъ.

— Прощайте, сэръ, благодарю за вашъ добрый пріемъ — сказала Елла Манверсъ. Послѣ этого лодка отчалила.

Вскорѣ мысъ былъ обогнутъ и островъ съ его обитателями скрылся изъ виду. Еще нѣсколько ударовъ веселъ и они проѣхали чрезъ узкое отверстіе болота.

Когда передъ глазами путешественниковъ открылось море, показались стоявшія не въ далекѣ дружественныя имъ суда, однимъ словомъ, очевидно стало, что они внѣ всякой опасности, спутницами Фридриха овладѣло глубокое чувство радости. „Слава Богу!“ воскликнула весело и живо миссъ-де-Вильярдъ, отбрасывая свой вуаль, „наконецъ-то мы выбрались изъ берлоги льва.“ Елла Манверсъ ничего не сказала, но когда Фридрихъ взглянулъ на нее, онъ увидѣлъ блѣдное, взволнованное лицо, поднятые къ небу глаза и сложенныя руки. Она вдругъ повернулась къ нему, глаза ихъ встрѣтились и прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, она схватила его руку, поцаловала ее, и воскликнувъ: „Богъ да благословитъ васъ, мистеръ Стэнли!“ залилась слезами.

„Елла, милая Елла!“ говорилъ Фридрихъ, употребляя въ первый разъ это имя „какъ я страдалъ за васъ; но вы спасены теперь!“

Много насказалъ бы онъ теперь Еллѣ, чего ни за что не простилъ бы себѣ впослѣдствіи, въ виду того обѣщанія, которое онъ далъ ея отцу не высказываться, но миссъ Вильярдъ напомнила имъ о своемъ присутствіи.

— Что такое, что такое, Елла! воскликнула она, замѣтивъ слезы ея подруги. —Пока мы были на этомъ отвратительномъ островѣ, я готова была выплакать всѣ глаза, а вы были такъ покойны, какъ будто у себя дома. Теперь же, когда я внѣ себя отъ восторга, вы въ слезахъ; я рѣшительно не понимаю васъ, Елла!

— Я сама себя не понимаю, отвѣчала та, улыбась сквозь слезы. — Слезы, которыя я удерживала тогда, льются теперь невольно.

Скоро они приплыли къ судну. Фридрихъ поднялся на палубу и тутъ его окружили съ горячими изъявленіями благодарности. Выбравъ удобную минуту, Стэнли обратился къ капитану съ просьбою не уѣзжать, а подождать пока онъ и Артуръ не переѣдутъ съ брига. Отъ капитана же узналъ онъ, что Елла, оставшаяся одна послѣ смерти бабушки, отправляется теперь въ Вашингтонъ къ отцу.

Съ брига тоже слѣдили за Фридрихомъ и радовались, когда онъ настигалъ лодку пиратовъ; но когда онъ скрылся изъ виду, то всѣ начали безпокоиться, посланы были шлюпки для разузнанія, что приключилось со Стэнли.

Капитанъ отдалъ приказаніе во чтобы то ни стало догнать пиратовъ, но усилья матросовъ были тщетны и они вернулись на бригъ, не найдя никого.

Понятно послѣ этого общее удивленіе и восторгъ моряковъ, когда Фридрихъ снова показался въ открытомъ морѣ; товарищи привѣтствовали его появленіе радостными восклицаніями.

Капитанъ получилъ на единѣ донесеніе Фридриха и, не смотря на то, что письмо

*

Лафита было почтительно и миролюбиво, все-таки рѣшился напасть на пиратовъ въ ихъ собственномъ гнѣздѣ; но скоро онъ убѣдился въ несбыточности своего намѣренія и отложилъ его въ сторону.

Принявъ донесеніе, капитанъ прибавилъ:

— Мнѣ очень пріятно, мистеръ Стэнли, высказать вамъ, что я какъ нельзя болѣе доволенъ вашими дѣйствіями. — Многіе на вашемъ мѣстѣ не знали бы какъ выпутаться изъ подобнаго положенія; даже болѣе опытные и пожилые, чѣмъ вы, не показали бы столько хладнокровія и смѣлости. Я не забуду этого, мой другъ.

Само собою разумѣется, что Фридрихъ былъ въ восторгѣ отъ подобной похвалы.

Чрезъ часъ Стэнли и Мэсонъ отправились на торговое судно. Капитанъ при прощаніи далъ каждому изъ нихъ по письму къ управляющему морскимъ министерствомъ. — Въ письмѣ объ Артурѣ, наполненномъ одобрительными отзывами, ничего не было сказано о дуэли; относительно же Фридриха, кромѣ общихъ похвалъ, капитанъ нашелъ нужнымъ подробно упомянуть о посѣщеніи имъ пристанища пиратовъ, при чемъ указалъ на то, что Фридрихъ былъ первый морякъ, проникнувшій на островъ Бараторію.

ГЛАВА XIX.

Какъ только Стэнли и Артуръ переѣхали на торговое судно, оно тотчасъ снялось съ якоря; а бригъ отправился слѣдомъ за нимъ, чтобы конвоировать его до болѣе безопаснаго мѣста. По выходѣ изъ залива свѣжій вѣтеръ быстро понесъ судно по направленію къ Балтиморѣ.

Блѣдное лицо Артура Мэсона и его слабость возбуждали большое сочувствіе въ пассажирахъ; они старались доставить ему всѣ возможныя удобства и употребляли всѣ усилія, чтобы разсѣять его скуку. Съ помощью Фридриха, онъ каждое утро выходилъ на палубу, и лежа, проводилъ тамъ цѣлый день, окруженный друзьями, занимавшими его разговорами. Артуръ былъ грустенъ. Онъ чувствовалъ себя до того слабымъ и изнеможеннымъ, что боялся долго не поправиться, между тѣмъ, слухи о войнѣ между Сѣверными Штатами и Англіей дѣлались все громче и громче, большинство не сомнѣвалось уже въ неизбѣжности столкновенія и всякій, кто только чувствовалъ себя способнымъ, приготовлялся къ борьбѣ. Вотъ это-то и приводило молодаго Мэсона въ отчаянье: — страшное уныніе овладѣло имъ, при мысли, что болѣзнь отниметъ у него возможность продолжать службу. При видѣ бодрости и живости Фридриха, на глазахъ Артура выступали слезы, которыя онъ едва могъ удерживать. Иногда же его брала злость и онъ начиналъ проклинать свою несчастную судьбу, говоря, что она исковеркана, считалъ себя пропащимъ человѣкомъ. Фридрихъ съ грустью глядѣлъ на нравственное состояніе своего друга и всѣми силами старался вывести его изъ него. Видя свое безсиліе, онъ обратился за помощью къ Еллѣ Манверсъ и такъ растрогалъ ее разсказомъ о душевныхъ страданіяхъ Артура, что та рѣшилась, въ свою очередь, употребить всѣ усилія, чтобы возвратить больному его прежнюю веселость. Ежедневно гуляя по палубѣ, Елла часто останавливалась у дивана, на которомъ лежалъ Артуръ, спрашивала его о здоровьи и въ присутствіи другихъ вступала съ нимъ въ разговоръ.

Въ одинъ изъ прекрасныхъ тихихъ вечеровъ, когда луна ярко свѣтила на безоблачномъ небѣ, кидая какой-то особенный матовый свѣтъ на воду, Фридрихъ и обѣ барышни сидѣли около Артура. Настроенные вѣроятно прелестною обстановкою, они не вели оживленнаго разговора, а часто задумывались, молча глядя на тихую поверхность воды.

— Миссъ Манверсъ, обратился къ ней Артуръ, меня сегодня преслѣдуетъ мотивъ

одной пѣсенки, которую я разъ отъ васъ слышалъ, той, каждая строфа которой оканчивается еще словами: „мужъ вернулся домой.“

— Это вѣроятно „Возвращеніе къ домашнему очагу“? спросила Елла.

— Да-да-да! Не споете ли вы ее мнѣ?

Еслибъ Артуръ былъ здоровъ, то Елла отказала бы ему въ этомъ, не изъ жеманства или робости, но вслѣдствіе того сильнаго волненія, которое овладѣло ей. Вспомнилась ей бабушка, которая до того любила слушать ея пѣніе, что въ минуты страшныхъ страданій успокоивалась при звукахъ тихаго, но задушевнаго голоса Еллы, поющаго простую пѣсню. Послѣ смерти старушки, миссъ Манверсъ ни разу еще не пѣла; поэтому легко представить себѣ тѣ тяжелыя и грустныя чувства, которыя должны были подняться въ ея душѣ при исполненіи желанія Артура. Какъ ни тяжело ей было, но она запѣла: голосъ ея, хотя и не сильный, но гибкій и симпатичный, звучалъ въ этотъ вечеръ какъ-то особенно, — подходя, какъ нельзя болѣе, къ грустному мотиву пѣсни, въ которой говорилось о возвращеніи къ домашнему очагу сына, который изъ юноши сдѣлался взрослымъ. Со свѣтлыми мечтами, съ незнаніемъ жизни уѣхалъ онъ изъ дому, но не легка была его дорога, много вытерпѣлъ онъ, усталъ, измучился и пріѣхалъ домой, на грудь къ нѣжнолюбящей матери, весь разбитый, съ блѣднымъ, исхудалымъ лицомъ. Онъ находитъ утѣшеніе и отдыхъ въ объятіяхъ той, которая сквозь слезы смотрѣла на его первую улыбку, горячо молила Бога о его благополучіи и никогда не переставала хранить воспоминаніе о немъ въ своемъ сердцѣ... Ласки матери заставляютъ умолкнуть всѣ страданія, придаютъ новую силу тѣмъ, къ кому онѣ относятся. Елла замолчала; всѣми овладѣло такое грустное чувство, что не раздалось ни аплодисментовъ, ни выраженій благодарности. Артуръ лежалъ, закрывъ лицо руками.

Елла встала, чтобы уйти съ палубы. Тогда Артуръ, отнявъ отъ лица руки, проговорилъ съ жаромъ: — Благодарю васъ, миссъ Манверсъ, благодарю васъ. Слова пропѣтой вами пѣсни такъ подходятъ ко мнѣ, что я забылся.

Впослѣдствіи Артуръ нѣсколько разъ просилъ повторить эту пѣсню, и Елла никогда ему не отказывала; но не смотря на все это, въ ея добромъ расположеніи не было видно и искры той любви, которую Артуръ хотѣлъ прежде въ ней возбудить. Въ ея голосѣ, во взглядѣ, во всѣхъ дѣйствіяхъ, относившихся къ нему, выражалось чувство нѣжности и состраданія, но все это нисколько не походило на любовь, и Артуръ часто съ изумленіемъ спрашивалъ себя, гдѣ могла выучиться, непривыкшая къ свѣту, дѣвушка искусству высказывать самую искреннюю доброту и отдалять вмѣстѣ съ тѣмъ отъ себя даже самое малѣйшее подозрѣніе въ любви? Это былъ даръ природы; свѣтъ не можетъ научить этому.

Обращеніе Еллы не позволяло Артуру, какъ мы уже сказали, надѣяться на взаимность; но не такъ дѣйствовало оно на Фридриха. Не разъ, слушая ласковый голосъ Еллы, говорящей съ его другомъ, или, замѣчая грустное выраженіе ея лица, Фридрихъ отворачивался съ болью въ сердцѣ. У него столько накопилось чувствъ и ни одного изъ нихъ онъ не считалъ себя въ правѣ высказать Еллѣ, въ виду тѣхъ словъ, которыя написалъ въ письмѣ къ нему ея отецъ; но тѣмъ не менѣе чувства эти просились наружу. Всякій разъ, какъ Фридрихъ оставался съ Еллою на единѣ, онъ желалъ спросить ее, знаетъ ли она о перемѣнѣ мнѣнія о немъ мистера Манверса, хотѣлъ просить сказать ему причину этой перемѣны. Однако рѣшеніе это никогда еще не приводилось имъ въ исполненіе. Бывало, желанное слово готово было сорваться съ языка, но онъ взглянетъ на Еллу, и ея серьезный видъ и холодное выраженіе ея лица невольно останавливали его.

— Не буду ее безпокоить такимъ неинтереснымъ для нея предметомъ,— горько говорилъ онъ самъ себѣ, а потомъ, менѣе чѣмъ чрезъ часъ, начиналъ бранить себя за нерѣшительность и за то, что упустилъ благопріятный случай, котораго онъ ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, и давалъ себѣ слово быть въ слѣдующій разъ болѣе рѣшительнымъ. Но почему измѣнилась Елла относительно Фридриха Стэнли? Угадывала ли она настоящее состояніе души его и желала подавить чувство, которому не могла отвѣчать, или была не откровенна, потому что почувствовала въ первый разъ въ своемъ сердцѣ то, что, по ея мнѣнію, надо было сдерживать?

Вечеромъ, наканунѣ ихъ пріѣзда въ Балтимору, Елла Манверсъ стояла одна на палубѣ, смотря на мутныя, освѣщенныя луною воды и на туманныя очертанія берега, вблизи котораго они проходили. Она думала о скоромъ свиданіи съ своимъ отцомъ, и радостно билось ея сердце. Фридрихъ нѣсколько разъ проходилъ мимо нея, но не подходилъ къ ней, боясь нарушить ея уединеніе.

Наконецъ онъ рѣшился и началъ разговоръ, обративъ ея вниманіе на прелесть вечера.

— Вечеръ дѣйствительно прелестный. Такой короткій отвѣтъ казалось не поощрялъ къ дальнѣйшему разговору и Фридрихъ хотѣлъ было отойти, но вспомнивъ, какъ скоро они разстанутся, остался и сдѣлалъ еще попытку.

— Съ такимъ вѣтромъ мы будемъ въ Балтиморѣ чрезъ нѣсколько часовъ.

— А завтра, сказала Елла, я буду у моего отца въ Вашингтонѣ.

— А! подумалъ Фридрихъ,— это не выражаетъ и тѣни сожалѣнія о необходимости разставанія. Онъ хотѣлъ опять удалиться, но Елла тихимъ и робкимъ голосомъ удержала его.

— Мистеръ Стэнли, я получила вашу карточку, которую вы оставили во время послѣдняго посѣщенія вашего Лорель-Грова. Я передала ваше порученіе моей бабушки и... и... тутъ голосъ ея прервался и, когда Фридрихъ посмотрѣлъ на нее, онъ увидѣлъ, что слезы текли по ея щекамъ.

— Не разстроивайте себя, сказалъ Фридрихъ, глубоко тронутый; я знаю, какъ сильно огорчаетъ васъ все, относящееся къ этому времени. Я самъ искренно раздѣляю ваше горе о потерѣ той, которую я такъ высоко цѣнилъ и которую вы оплакиваете. Но перейдемъ къ болѣе веселымъ мыслямъ. Завтрашняя встрѣча....

Елла въ это время пересилила свое волненія и, хотя слезы продолжали течь, она перебила его.

— Нѣтъ, мистеръ Стэнли, мысли о моей бабушкѣ—самыя счастливыя для меня, не смотря на то, что онѣ вызываютъ слезы. Притомъ же я должна передать вамъ ея слова. Когда я прочитала ей вашу записку, она просила меня сказать вамъ, что она васъ благословляетъ.

— Это въ самомъ дѣлѣ драгоцѣнное для меня порученье, сказалъ Фридрихъ послѣ минутнаго молчанія.— Мнѣ очень лестно знать, что меня уважала та, совѣты которой я такъ цѣнилъ. Въ то самое утро, о которомъ вы говорите, я готовился просить у нея совѣтовъ на счетъ того, отъ чего зависитъ мое спокойствіе. Онъ остановился и Елла посмотрѣла на него вопросительно. Но прежде, чѣмъ онъ могъ продолжать, она сказала, опустивъ глаза:

— Бабушка чувствовала къ вамъ истинное уваженіе, и потомъ, съ церемонною фразою „доброй ночи“, опустилась въ каюту.

Прерванный при началѣ самомъ разговора, Фридрихъ тоже ушелъ.

На другое утро, прежде чѣмъ солнце показалось на горизонтѣ, корабль стоялъ уже въ гавани Балтиморы.

Былъ май 18.. года и война съ Англіей не подлежала никакому сомнѣнію.

Фридрихъ поспѣшилъ отправиться въ Вашингтонъ для представленія управляющему

морскимъ министерствомъ и черезъ это обезпечить себѣ возвращеніе на службу, потому что американскій флотъ былъ въ то время слишкомъ незначителенъ въ сравненіи съ числомъ желавшихъ въ немъ служить, и малѣйшее замедленіе могло быть причиною потери мѣста. Артуръ не менѣе интересовался этимъ и настоятельно просилъ своего друга тотчасъ же отправиться въ Вашингтонъ и заявить о его желаніи продолжать службу.

Рѣшено было, что всѣ, кому нужно ѣхать въ Вашингтонъ, отправятся вмѣстѣ по экстрапочтѣ. Рѣшеніе это, какъ и надо было ожидать, пришлось по сердцу молодому Стэнли. Теперь ему предстояла возможность не только провести лишній день въ обществѣ Еллы, но онъ имѣлъ случай разубѣдить ея отца относительно происшествія съ капитаномъ Гренби, представивъ свидѣтелемъ своего разговора съ нимъ Вильярда, отправлявшагося тоже въ Вашингтонъ.

Мысли эти занимали Фридриха въ продолженіи всего путешествія, такъ что онъ все время молчалъ. Елла удивлялась этому молчанію, между тѣмъ какъ прежде Фридрихъ, по видимому, находилъ удовольствіе въ разговорахъ съ нею.

(Окончаніе будетъ.)

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ОЗЕРА.

зерами, какъ вѣроятно уже знаютъ наши читатели, называются водяныя пространства, со всѣхъ сторонъ окруженныя землею. Въ обыкновенныхъ озерахъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, но въ природѣ встрѣчаются и такія, которыя выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ и доказываютъ еще разъ, что на земномъ шарѣ есть много такого, которое ничѣмъ объяснено быть не можетъ и черезъ это самое служитъ свидѣтельствомъ величія и могущества Творца вселенной. Такъ напримѣръ на вершинѣ цѣпи горъ Эстрелла, въ Португаліи, находятся два озера значительной величины и очень глубокія, въ особенности одно изъ нихъ, которое, какъ говорятъ не имѣетъ даже дна. Замѣчательно въ нихъ то, что они совершенно покойны, когда море покойно, и бурны въ то время, когда море бушуетъ. Явленіе это вполнѣ доказываетъ, что между ними и океаномъ есть подземное сообщеніе, тѣмъ болѣе, что иногда на поверхность означенныхъ озеръ, хотя они и находятся въ 40 миляхъ *) отъ океана и на значительной, въ сравненіи съ его уровнемъ, высотѣ, всплываютъ обломки кораблей.

Въ Португаліи же есть еще одно озеро, которое смѣло можетъ быть причислено къ числу самыхъ замѣчательныхъ явленій при-

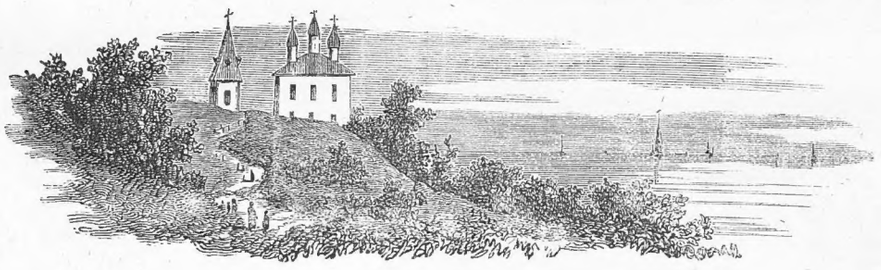
*) Французская миля имѣетъ отъ 4-хъ до 7-ми верстъ.

роды: когда приближается гроза, въ озерѣ этомъ происходитъ страшный шумъ, который можно слышать на разстояніи нѣсколькихъ миль.

Въ 24 миляхъ отъ Каимбры есть ключъ, называемый Ферванцасъ, поглощающій не только куски дерева, но даже самыя легкія тѣла какъ-то: пробки, соломенки, которыя, будучи брошены въ него, уходятъ ко дну и изчезаютъ безслѣдно. Къ числу подобныхъ же чудесъ природы можно прибавить еще ключъ, находящійся близь Эстремоса, тоже въ Португаліи, который имѣетъ свойство покрывать куски дерева каменной корой; замѣчательно то обстоятельство, что лѣтомъ въ немъ бываетъ достаточно воды, чтобы приводить въ движеніе три водяныя мельницы, тогда какъ зимой онъ совершенно высыхаетъ.

Во Франціи, въ Дофинэ, по дорогѣ изъ Гренобля въ Ліонъ, есть большая пещера; при самомъ входѣ она широка, но мало по малу съуживается, и кончается подземнымъ озеромъ, составляющимъ одну изъ достопримѣчательностей этой страны. По словамъ французскаго историка Мезрай, Франциск I, любившій вникать во все необыкновенное и любопытное, вздумалъ осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ помянутое подземное озеро; для этого онъ приказалъ соорудить въ самой пещерѣ плоскодонную лодку. Къ обоимъ краямъ лодки прикрѣплены были доски, въ которыя втыкалось множество зажженыхъ факеловъ, самая лодка снабжена была огнивомъ, каменьями, желѣзомъ и другими необходимыми вещами. Король, взявъ съ собою нѣсколько опытныхъ моряковъ, отплылъ отъ берега. Черезъ нѣсколько времени они увидали, что озеро не имѣетъ болѣе полумили ширины; когда же проплыли еще двѣ мили, то услыхали ужасный шумъ, который, по мѣрѣ того, какъ они подвигались, дѣлался все страшнѣе и страшнѣе, тутъ же они замѣтили неимовѣрную быстроту воды. Заключивъ изъ этого, что въ близи долженъ быть или водоворотъ или обрывъ, они спустили одну изъ досокъ съ зажженными факелами, которая, унесенная быстрымъ теченіемъ, скоро была опрокинута и поглощена. Испуганный король не рѣшился продолжать подземнаго плаванья и возвратился ко входу въ пещеру.

(*Wonders of Nature and Art.*)



Редакторъ-издательница М. Ростовская.

Дозволено цензурою, 12-го октября 1869 г. С.-Петербургъ, типографія Майкова, въ д. Мин. Финан., на Дворц. площади.